

ВОСПОМИНАНІЯ

ОФИЦЕРА ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА

О ВОЙНѢ 1877 — 1878 гг.

ВЪ ЕВРОПЕЙСКОЙ ТУРЦИИ.

(Съ планами и чертежами).

(Статья вторая) (1).

III.

Битвы на Софійскомъ шоссе. — Окончательное обложение Плевны.

(Съ шестью планами и чертежами).

Подготовка движеніи къ Софійскому шоссе. — Рекогносцировки. — Канунъ боя подъ Горнямъ Дубнякомъ. — Диспозиція для боя. — Бой подъ Горнямъ Дубнякомъ 12-го октября. — Рекогносцировки къ сторонѣ Телиша. — Укрѣпленіе позиціи. — Бомбардированіе Телиша 16-го октября. — Занятіе Дольняго-Дубняка. — Укрѣпленіе позиціи. — Организація службы въ траншеяхъ.

Генераль-адъютантъ Гурко, вступивъ въ командованіе отрядомъ, предпринялъ рядъ рекогносцировокъ къ сторонѣ Софійскаго шоссе. Почти ежедневно онъ выѣзжалъ на высокой курганъ, лежавшій между Лени-Брачемъ и Чириковымъ. На этомъ пунктѣ былъ учрежденъ особый офицерскій наблюдательный постъ, обязанность котораго заключалась въ томъ, чтобы выслѣживать все происходящее на шоссе. Оттуда можно было ясно видѣть движеніе турецкихъ транспортовъ отъ одного этапа къ другому, а у Горняго-Дубняка виднѣлся лагерь. Кромѣ этого дальняго обзрѣнія, была еще ранѣе произведена съ юга рекогносцировка окрестностей Горняго-Дубняка, Ставровскимъ, какъ я упомянулъ выше; съ сѣвера осмотрѣлъ мѣстность генеральнаго штаба поручикъ Соколовскій. Самъ генераль Гурко тоже выѣзжалъ нѣсколько разъ впередъ и, между прочимъ, изслѣдовалъ броды черезъ р. Видь.

Чтобы показать, на сколько самыя добросовѣстныя рекогносцировки

(1) См. «Воен. Сборн.» 1879 г. № 1-й.

ровняются отъ дѣйствительной мѣстности и расположенія противника, въ концѣ этой статьи прилагаются точныя копіи съ кроки поручика Соколовскаго, рядомъ съ планомъ поля сраженія подъ Горнимъ-Дубнякомъ, снятымъ топографами штаба гвардейскаго корпуса (см. чертежи I и II, №№ 1-й и 2-й) (').

По отрывочнымъ замѣчаніямъ генераль-адъютанта Гурко и по характеру его рекогносцировокъ можно было замѣтить, какъ у него постепенно созрѣвалъ планъ атаки Горняго-Дубняка. Дня за два или за три до боя, онъ приказалъ мнѣ, совместно съ топографомъ, опредѣлить разстояніе отъ вышеупомянутаго кургана до Горняго-Дубняка. Хотя работу мы начали около полудня, но, вслѣдствіе дальняго разстоянія до опредѣляемаго пункта, необходимо было, въ видахъ точности результата, измѣрить побольше базисъ. Мы его взяли слишкомъ въ двѣ версты. При этомъ пришлось идти цѣпью черезъ колючки и густой кустарникъ и направляться искусственными точками. Одежда и сапоги наши при этомъ сильно пострадали, а руки были изцарапаны въ кровь. Не смотря на безостановочность работы, мы кончили ее только вечеромъ и сдѣлали засѣчку уже по огню въ турецкомъ лагерѣ. Разстояніе вышло въ восемь слишкомъ верстъ. Сообразно этому были сдѣланы расчеты времени въ отданной потомъ диспозиціи.

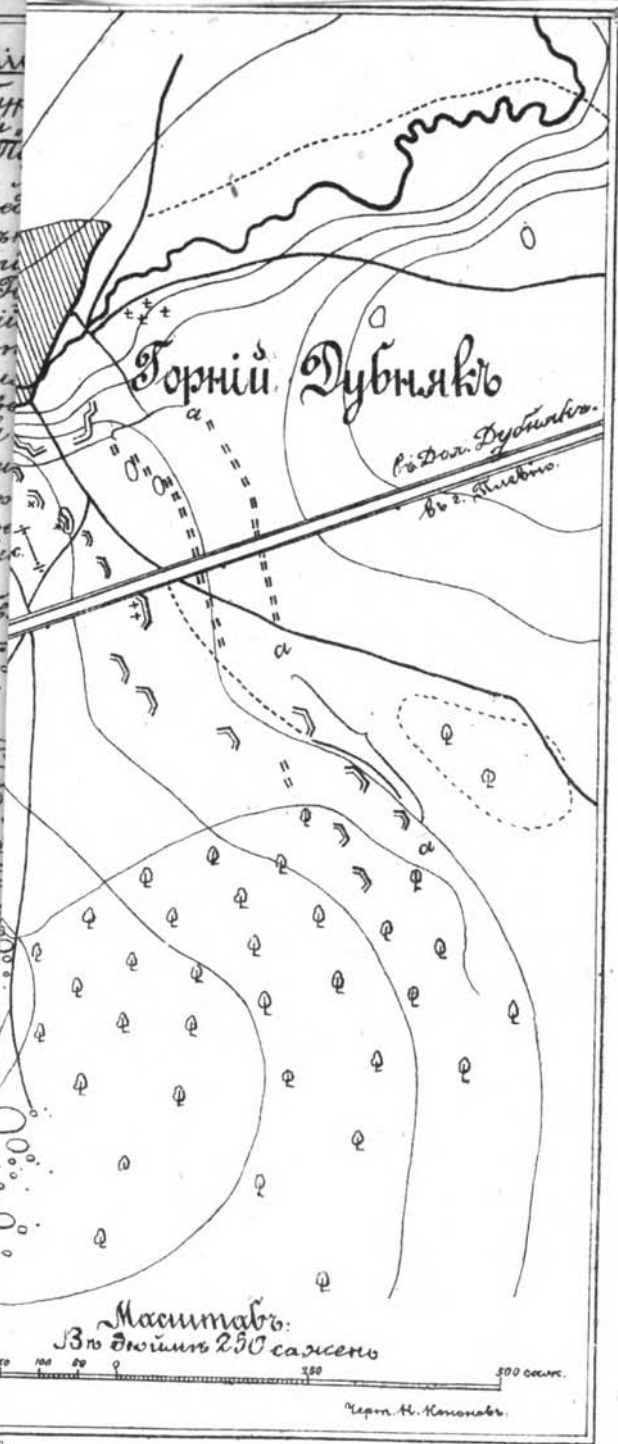
Ожидалось прибытіе только 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, чтобы двинуться противъ непріятеля. 2-я дивизія прошла походнымъ порядкомъ черезъ всю Румынію, и потому явилась подъ Плевну нѣсколькими позже другихъ. 10-го октября подошли къ Бркачамъ три полка съ тремя батареями, а лейбъ-гвардіи Московскій полкъ, съ тремя батареями, прибылъ только 11-го вечеромъ, и прямо съ похода двинулся въ бой. Мнѣ поручено было взять съ собой нѣсколькихъ жандармовъ и взять биваки для 2-й дивизіи; затѣмъ, высмотрѣть выходы съ биваковъ на большую дорогу (которую разрабатывали наши егеря) изъ д. Ральево въ Лени-Бркачъ и, встрѣтивъ командовавшаго 2-й дивизіи генераль-адъютанта графа Шувалова, указать полкамъ путь къ бивакамъ. Въ числѣ знакомыхъ я встрѣтилъ бывшего нашего офицера командира лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка Лаврова. Спокойный, грустный, онъ ѣхалъ впереди своего полка.... Черезъ два дня уже стало этого разумнаго и благороднѣйшаго человѣка.

Вечеромъ, 10-го октября, старшіе начальники, до полковыхъ пѣхотѣ и бригадныхъ въ артилеріи, а также всѣ офицеры генералъ-

(') На этомъ планѣ нанесены возведенныя нами въслѣдствіи укрѣпленія. Къ сожалѣнію, не показаны всѣ турецкія траншеи, которыя были засыпаны на дѣла удобства сообщенія.

Положеніи

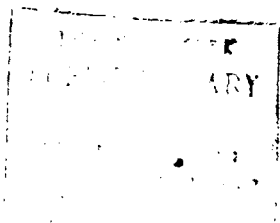
- А. Главное Штурм
- Б. Б. Боиния Ш
- Г. Шурецкіе
- В. Малойі рѣ
- а-а, б-б. Укрѣ
- взятіи
- г-г. Палки ш. Ш
- Павловскій
- Финскій ст
- д. Ш. Финск
- е-е. Стрѣлкова
- торской
- ж. 6^а батарея
- з. 1 и 2^а батар
- и. 4 и 5^а батар
- к. Казаки бат
- казаковъ.
- л-л. 4 бат. ш. Ш

что
тятся
пер-
дево,

при-
Видъ

ПЕТОВЪ сосредоточенія колоннъ. А затѣмъ уже движеніи и вступ-

Б
Г
С

П
—

Х
Д

4.

наго штаба были собраны на квартирѣ начальника отряда. Генералъ-адъютантъ Гурко подробно объяснилъ свои намѣренія относительно нападенія на Горній-Дубнякъ, Телишъ и Дольній-Дубнякъ, и старался выяснитъ каждому отряду предстоявшую ему роль. «Слѣдуетъ, говорилъ онъ, держать Дольній-Дубнякъ и Телишъ въ желѣзныхъ объятіяхъ, пока будетъ покончено съ Горнимъ-Дубнякомъ». Энергическую атаку этого послѣдняго пункта генералъ Гурко признавалъ необходимой, чтобы не дать возможности Осману-пашѣ оказать своевременную помощь изъ Плевны. При этомъ онъ замѣтилъ, что не желалъ бы, чтобы предстоящее сопротивленіе турокъ и побѣда были слишкомъ легкими и не внушили бы гвардіи легкомысленное преврѣніе къ противнику и заключилъ свою рѣчь напоминаніемъ о тѣхъ надеждахъ, которыя возлагаютъ на гвардію Государь и Россія.

Поздно вечеромъ мы разошлись; по дорогѣ зашли къ намъ на станъ чаю командиры полковъ лейбъ-гвардіи Гренадерскаго—полковникъ Любовицкій и Финляндскаго—генералъ Лавровъ, оба бывшіе офицеры генеральнаго штаба. Разговоръ прошелъ въ разсказахъ о тѣхъ трудностяхъ, которыя пришлось встрѣтить 2-й дивизіи на походѣ въ Румыніи, какъ вслѣдствіе дождливой погоды и дурныхъ дорогъ, такъ и отъ неправильнаго снабженія отъ «Товарищества по продовольствію».

11-го октября генералъ-адъютантъ Гурко выѣхалъ къ Виду и указалъ броды черезъ рѣку, по которымъ каждая колонна должна была перейти. Въ указанныхъ пунктахъ имѣлись вѣхи съ номеромъ брода. Затѣмъ, тутъ же были показаны мѣста, гдѣ колоннамъ слѣдовало сосредоточиться по переходѣ черезъ р. Видъ, а также и общее направленіе дальнѣйшаго движенія. При этомъ, офицеры генеральнаго штаба, назначенные въ колонны, съ часами въ рукахъ, должны были проѣхать отъ Вида до пунктовъ сосредоточенія своихъ колоннъ и такимъ образомъ опредѣлитъ это разстояніе, во избѣжаніе ошибки во время ночнаго передвиженія.

Въ тотъ же день генералъ-адъютантъ Гурко объѣзжалъ войска и воодушевлялъ ихъ рѣчью. Солдатамъ рекомендовалъ, между прочимъ, беречь сухарь на походѣ, и патронъ въ бою. Офицерамъ говорилъ, что ихъ задача съ русскимъ солдатомъ легка — идти впередъ, оглядываться не-зачѣмъ: русскій солдатъ пойдетъ всюду за своимъ офицеромъ. Энергія, твердость и рѣшительность, съ которыми было все это говорено, производили сильное впечатлѣніе и электризовали массы.

Во избѣжаніи путаницы при слѣдованіи въ бой, отдано было приказаніе для предварительнаго передвиженія всѣхъ войскъ за р. Видъ до пунктовъ сосредоточенія колоннъ. А затѣмъ уже движенія и вступ-

леніе въ бой должны были совершиться согласно *диспозиціи по отряду*. Кромѣ того, отдано было приказаніе относительно обозовъ, пиши и перевязочныхъ пунктовъ въ бою.

Привожу точную копию этихъ документовъ:

Приказъ по войскамъ Гвардіи и кавалеріи Западнаго отряда.

Въ дер. Лени-Бркачь.

«Предписываю произвести слѣдующія предварительныя передвиженія.

«1) Гвардейской Стрѣлковой бригадѣ съ одною батареею лейбъ-гвардіи 1-й артилерійской бригады, съ одною батареею лейбъ-гвардіи 2-й артилерійской бригады и одною сотнею донскаго казачьяго № 9-го полка, выступить съ бивака, 12-го сего октября, въ часъ пополудни, двинуться къ деревнѣ Чириково и пройдя по броду № 1 расположиться въ резервномъ порядкѣ, между р. Видомъ и гребнемъ возвышенности лѣваго берега рѣки, по дорогѣ въ Куршевицу, верстахъ въ 2^{1/2} отъ деревни Чирикова. Обоиъ кубанскимъ эскадронамъ Собственнаго Его Величества конвоя выступить одновременно со Стрѣлковою бригадою, поступить въ распоряженіе командира бригады и, слѣдуя во главѣ ея по той же дорогѣ, расположиться на правомъ флангѣ гвардейской Стрѣлковой бригады, на дорогѣ изъ Чирикова въ Куршевицу.

«2) Лейбъ-гвардіи Егерскому полку съ одною батареею лейбъ-гвардіи 1-й артилерійской бригады и съ одною сотнею казачьяго № 9-го полка, выступить съ бивака, 12-го сего октября, тоже въ часъ пополудни, и слѣдовать непосредственно за гвардейскою Стрѣлковою бригадою. Подойдя къ р. Видъ, перейти черезъ нее по броду № 4, повернуть тотчасъ лѣво, пройти деревню Чириково и Свинаръ, войти въ лощину, ведущую къ Телишу, и расположиться въ ней сосредоточенно позади 2-й бригады 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи.

«3) 2-й бригадѣ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи съ двумя батареями лейбъ-гвардіи 2-й артилерійской бригады выступить съ бивака, 12-го сего октября, въ 1^{1/2} часа по полуночи и, слѣдуя непосредственно за лейбъ-гвардіи Егерскимъ полкомъ, расположиться въ той же лощинѣ, верстахъ въ 2^{1/2}, пройдя деревню Свинаръ.

«4) 1-й бригадѣ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи съ двумя батареями лейбъ-гвардіи 2-й артилерійской бригады выступить съ бивака, 12-го сего октября, въ 2 часа по полуночи и, слѣдуя непосредственно за 2-й бригадою 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, перейти черезъ р. Видъ по броду № 3 и расположиться на лѣвомъ берегу рѣки позади дубковъ.

«5) Лейбъ-гвардіи Саперному баталіону расположиться позади 1-й бригады 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи.

«6) Треть полкамъ 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи съ четырьмя батареями и одною сотнею Донскаго № 4-го полка, выступить съ бивака, 12-го сего октября, въ 2^{1/2} часа по полуночи и, слѣдуя за 1-й бригадою 2-й

гвардейской пѣхотной дивизіи, расположиться въ резервномъ порядкѣ позади бродовъ №№ 1-го и 2-го.

«7) Всѣмъ войскамъ двинуться: пѣхотѣ—во взводныхъ колоннахъ, артилеріи—въ колоннахъ въ два орудія.

«8) 2-й бригадѣ 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи съ одною конною батареею выступить съ бивака съ такимъ расчетомъ времени, чтобы прибыть къ выходу изъ дер. Свинаръ на Телишъ къ 3-мъ часамъ по полуночи 12-го сего октября. Затѣмъ, войти въ лощину, ведущую въ с. Телишъ, и расположиться въ разстояніи около 2¹/₂ версты отъ дер. Свинаръ.

«9) 1-й и 3-й бригадамъ 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи съ тремя конными батареями выступить съ бивака съ такимъ расчетомъ времени, чтобы прибыть къ дер. Свинаръ въ 5-ть часовъ по полуночи 12-го сего октября и расположиться въ резервномъ порядкѣ около означенной деревни фронтомъ къ Горнему-Дубляку.

«10) 9-му уланскому Бугскому полку съ конною артилеріею, находящеюся на кавалерійскомъ бивакѣ 9-й кавалерійской дивизіи, перейти, въ теченіе ночи съ 11-го на 12-ое сего октября, въ окрестности дер. Медованъ и расположиться возлѣ Медованскаго кавалерійскаго бивака, составить одинъ кавалерійскій отрядъ (12 эскадроновъ, 12 конныхъ орудій) подъ начальствомъ начальника 9-й кавалерійской дивизіи.

«11) Отряду полковника Черевина собраться къ вечеру 11-го сего октября въ дер. Абаской.

«12) Всему кавалерійскому отряду, находящемуся въ Семередь-Трестеникѣ, перейти въ теченіе ночи съ 11-го на 12-ое сего октября къ деревнѣ Горній-Негрополь.

«13) Отряду генерала Чернозубова остаться на занимаемомъ имъ нынѣ мѣстѣ.

«14) Остальнымъ сотнямъ донскихъ казачьихъ №№ 4-го и 9-го полковъ остаться на занимаемыхъ ими мѣстахъ.

«Подписалъ: начальникъ войскъ Гвардіи и кавалеріи Западнаго отряда генералъ-адъютантъ *Гурко.*»

Диспозиція по войскамъ Гвардіи и кавалеріи Западнаго отряда.

Въ дер. Існи-Бркачъ на 12-е октября 1877 г.

«Завтра, 12-го октября, войскамъ ввѣреннаго мнѣ отряда перейти на Плевно-Софійское шоссе съ цѣлью занять позицію у Горняго-Дубняка, укрѣпиться на ней и тѣмъ сомкнуть блокаду непріятельскихъ войскъ, собранныхъ въ Плевнѣ.

«1) Гвардейской Стрѣлковой бригадѣ съ ея артилеріею и казаками выступить въ 6¹/₄ часовъ по полуночи, и двинувшись къ Горнему-Дубляку, атаковать его со стороны Плевны (4 баталіона, 16 пѣшихъ орудій, 3 сотни).

«2) 1-й бригадѣ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, съ ея артилеріею и лейбъ-гвардіи Сапернымъ баталіономъ, выступить въ 6¹/₂ часовъ по полуночи и, двинувшись правѣе дѣсковъ, лежащихъ между Горняго-Дубняка и Чириковымъ, атаковать непріятельскую позицію со стороны Чирикова (9 баталіоновъ, 16 пѣшихъ орудій). (1)

«3) 2-й бригадѣ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи съ ея артилеріею выступить въ 6¹/₄ часовъ по полуночи и атаковать непріятельскую позицію со стороны с. Телиша (8 баталіоновъ, 16 пѣшихъ орудій).

«4) Лейбъ-гвардіи Егерскому полку съ его артилеріею и со 2-ю бригадою 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи и одною сотнею выступить въ 6¹/₄ часовъ утра и атаковать непріятельскую позицію у с. Телиша (4 баталіона, 8 пѣшихъ орудій, 7 эскадроновъ, 6 конныхъ орудій и 1 сотня).

«5) 1-й бригадѣ 2-й кавалерійской дивизіи съ ея батареєю выступить въ 6¹/₄ ч. по полуночи и, обойдя 2-ю бригаду 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, двинуться въ промежутокъ между позиціями непріятеля у Горняго Дубняка и Телиша. Цѣль движенія бригады — охранять тылъ и лѣвый флангъ 2-й бригады 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи (8 эскадроновъ и 6 конныхъ орудій).

«6) Трѣмъ полкамъ 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи съ ихъ артилеріею и одною сотнею казаковъ выступить въ 6¹/₂ ч. пополудни и, перейдя по бродамъ №№ 1-го, и 2-го, расположиться въ резервномъ порядкѣ по дорогѣ изъ Чирикова въ Куршевицу, въ разстояніи около 2-хъ верстъ отъ Чирикова, фронтомъ къ сторонѣ Дольняго-Дубняка (12 баталіоновъ, 32 орудія, 1 сотня).

«7) 3-й бригадѣ 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи съ двумя конными батареями выступить въ 6¹/₂ ч. пополудни и стать позади Дубняка впереди д. Чирикова. Бригада эта будетъ составлять кавалерійскій резервъ (7 эскадроновъ и 12 конныхъ орудій).

«8) Кавалерійскому Медованскому отряду выступить въ 6¹/₄ часовъ по полуночи и двинуться къ Дольнему-Дубняку съ цѣлью не допустить турокъ двинуться изъ этой деревни для оказанія помощи войскамъ, занимающимъ позицію у Горняго-Дубняка (12 эскадроновъ и 12 конныхъ орудій).

«9) Семередь-Трестенинскому кавалерійскому отряду прибыть къ Дольнему-Дубняку и дѣйствовать изъ этой деревни для оказанія помощи войскамъ, занимающимъ позицію у Горняго-Дубняка.

«10) Отряду полковника *Черевина* прибыть къ 7¹/₂ часамъ по полуночи къ позиціи у Горняго-Дубняка и, дѣйствуя противъ этой позиціи съ запада, содѣйствовать атакѣ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи и гвардейской Стрѣлковой бригадѣ (14 эскадроновъ и 6 конныхъ орудій).

«11) Отряду генерала Чернозубова приблизиться къ Плевно-Софійскому

(1) Саперный баталіонъ былъ вписанъ чернилами въ литографированные экземпляры. А. П.

шоссе, и въ случаѣ выхода турецкихъ войскъ изъ Плевны, стараться или задержатъ ихъ, или же по возможности замедлитъ движеніе ихъ къ Горнему-Дубняку (7 сотенъ и 6 конныхъ орудій).

«12) Какъ только позиція у Горняго-Дубняка будетъ занята нашими войсками, 1-я гвардейская пѣхотная дивизія будетъ двинута на Плевно-Софійское шоссе съ тѣмъ, чтобы занять по ней позицію фронтомъ къ Дольнему-Дубняку и прикрыть войска, занявшія Горній-Дубнякъ, которыя немедленно приступать къ возведенію укрѣпленій (1).

«13) Въ началѣ движенія войскъ я буду находиться между 1-й бригадою 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи и гвардейской Стрѣлковой бригадою.

«14) Для скорости передачи донесеній между отрядами полковника *Черевича*, *Семередъ-Трестеникскимъ* и генерала *Чернозубова* съ одной стороны и между *Медованомъ* и *Чириковымъ* съ другой поставить летучую почту. Такую же почту поставить между лейбъ-гвардіи Егерскимъ полкомъ и *Чириковымъ*. Установленіе этихъ почтъ возлагается на генералъ-майоровъ: *Лошкарева* и *Арнольди* и флигель-адъютанта полковника барона *Мейендсрфа*.

«Подписалъ: начальникъ войскъ гвардіи и кавалеріи Западнаго отряда генералъ-адъютантъ Гурко».

Приказаніе по войскамъ Гвардіи и кавалеріи Западнаго отряда.

Дер. Іени-Брвачъ. На 12-е октября 1877 г.

«1) Всѣмъ войскамъ, переходящимъ рѣку Видъ, никакого обоза, за исключеніемъ санитарнаго, съ собою не брать. Въ артилеріи, кромѣ санитарнаго обоза, взять запасные лафеты. Вслѣдствіе этого 12-го октября рано утромъ отправить всѣ повозки артельного и офицерскаго обозовъ, а также и патронные ящики на развѣтвленіе дорогъ Раліево-Беглишской и Раліево-Іени-Брвачской, гдѣ и выстроиться въ одинъ общій вагенбургъ. Въ прикрытіе этого вагенбурга командировать по одному взводу отъ всѣхъ полковъ и Стрѣлковой бригады и одинъ взводъ отъ казачьей сотни, состоящей при гвардейской Стрѣлковой бригадѣ. Взводы эти могутъ быть сборные отъ всего полка, по преимуществу изъ слабосильныхъ. Общее начальство надъ вагенбургомъ возлагается на коменданта гвардейскаго корпуса, полковника Шевича, которому подчиняются и части, назначенныя для конвоированія обоза. При обозѣ отъ каждой части долженъ быть назначенъ особый офицеръ. Офицерамъ этимъ явиться къ полковнику Шевичу и получить отъ него приказаніе о размѣщеніи обоза своей части. Полковнику Шевичу заранѣе осмотрѣть мѣсто, гдѣ расположить вагенбургъ и принять всѣ мѣры къ соблюденію полнаго порядка. О присоединеніи обозовъ къ своимъ частямъ послѣдуетъ особое распоряженіе.

(1) Съ этою цѣлью и былъ приданъ къ 1-й бригадѣ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи лейбъ-гвардіи Саперный баталіонъ. Въ атакъ онъ принялъ участіе по личной инициативѣ частныхъ начальниковъ..

«2) 11-го октября сварить людямъ по три фунта мяса: изъ нихъ 1¹/₂ ф. съѣсть 11-го октября и 1¹/₂ ф. взять съ собою на 12-е октября, такъ какъ легко можетъ быть, что 12-го октября варки не будетъ. Вечернюю варку окончить въ 4 часа вечера.

«3) Перевязочные пункты устроить слѣдующимъ образомъ: позади каждаго полка, вступающаго въ боевую линію, устроить, внѣ сферы непріятельскихъ выстрѣловъ, передовой перевязочный пунктъ, на которомъ находятся двумъ полковымъ медикамъ и половинѣ ротныхъ фельдшеровъ (всего 8 человекъ); остальные медики должны быть собраны вмѣстѣ и въ началѣ должны находиться и всѣ носильщики, взятые изъ дивизионнаго лазарета. При дивизионномъ же врачѣ каждой дивизіи находиться по одному отдѣленію общества краснаго креста и санитарному обозу всѣхъ полковъ дивизіи. При началѣ движенія войскъ дивизионный врачъ 1-й дивизіи выдѣляеть ¹/₄ часть какъ всего медицинскаго персонала, такъ и санитарныхъ средствъ, при немъ находящихся, и отправляетъ вмѣстѣ съ лейбъ-гвардіи Егерскимъ полкомъ, командиру котораго отдѣлять одну роту и 10 казаковъ въ прикрытіе этого медицинскаго отдѣленія. Старшій медикъ въ этомъ отдѣленіи долженъ слѣдовать въ разстояніи одной версты за полкомъ, и когда полкъ вступить въ дѣло, то открыть главный перевязочный пунктъ въ разстояніи одной версты отъ передоваго. Дивизионному врачу 1-й дивизіи слѣдовать въ разстояніи около одной версты за 1-й гвардейской пѣхотной дивизіей и, въ случаѣ, если она вступить въ дѣло, открыть главный перевязочный пунктъ въ разстояніи одной версты позади передовыхъ пунктовъ. Дивизионному врачу 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи раздѣлить всѣ имѣющіяся у него средства на двѣ части и командировать одну къ 1-й бригадѣ, а другую къ 2-й. Эти части должны слѣдовать за бригадами и по вступленіи ихъ въ дѣло открыть перевязочные пункты въ разстояніи одной версты позади передовыхъ перевязочныхъ пунктовъ. Въ прикрытіе этимъ пунктамъ назначить, по распоряженію начальника дивизіи, по одной ротѣ и по 10 казаковъ къ каждому пункту.

«Въ Стрѣлковой бригадѣ имѣть одинъ передовой перевязочный пунктъ и одинъ главный, въ разстояніи около одной версты позади, подъ прикрытіемъ одной роты и 10 казаковъ.

«У дер. Чирикова будутъ собраны воловьи подводы для транспортированія раненыхъ съ главныхъ перевязочныхъ пунктовъ.

«Раненыхъ помѣщать въ казачьихъ шатрахъ казачьяго № 4-го полка. На этомъ центральномъ пунктѣ находится корпусному врачу, которому взять по одному медику отъ дивизіи и имѣть достаточное число фельдшеровъ, носильщиковъ и перевязочныхъ средствъ.

«Къ центральному перевязочному пункту командировать въ прикрытіе отъ 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи одну роту и отъ Донскаго № 4-го полка одинъ взводъ не менѣе 10 рядовъ при офицерѣ. Всѣмъ главнымъ перевязочнымъ пунктамъ имѣть постоянное сношеніе съ центральнымъ и

сообщать сколько на какомъ пунктѣ накопится раненыхъ. По полученіи этихъ донесеній корпусному врачу командировать къ главнымъ пунктамъ необходимое число подводъ для транспортированія раненыхъ съ этихъ пунктовъ къ центральному.

«Подводы направлять къ главнымъ перевязочнымъ пунктамъ 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи и къ гвардейской Стрѣлковой бригадѣ по броду № 1-го, къ 1-й бригадѣ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи по броду № 2-го, ко 2-й бригадѣ той же дивизіи по броду № 3-го и, наконецъ, лейб-гвардіи Егерскаго полка по броду № 4-го.

«Медикамъ кавалерійскихъ полковъ слѣдовать при своихъ полкахъ и по оказаніи раненымъ первоначальной помощи отсылать ихъ на ближайшіе главные перевязочные пункты пѣхотныхъ частей. Медикамъ пѣшей артилеріи находиться на ближайшихъ главныхъ перевязочныхъ пунктахъ, куда и отсылать всѣхъ раненыхъ артилеристовъ:

«Подписалъ: начальникъ войскъ гвардіи и кавалеріи Западнаго отряда генераль-адъютантъ *Гурко.*»

Я былъ назначенъ за начальника штаба въ колонну генерала Эллиса 1-го. Вечеромъ генераль собралъ у себя въ палаткѣ всѣхъ баталіонныхъ командировъ гвардейской Стрѣлковой бригады. Мы перечитали полученную диспозицію и подробно условились относительно движенія, причемъ генераль Эллисъ отдалъ подробныя приказанія касательно порядка выступленія, движенія частей и пр.

По возвращеніи къ себѣ, нечего было думать объ отдыхѣ; нужно было заняться укладкою вещей, снаряженіемъ своего обоза, обезпеченіемъ себя продовольствіемъ (сухарями, чаемъ и сахаромъ, запаснымъ бѣльемъ—все въ кобурахъ) на предстоящее время.

Часовъ около 12-ти я уже былъ у генерала Эллиса, а въ первомъ часу мы выѣхали къ войскамъ. Баталіонъ Его Величества былъ уже на ногахъ и выстроенъ въ полномъ порядкѣ. Командиръ баталіона (флигель-адъютантъ полковникъ Эбелингъ, смертельно раненый въ этотъ день) доложилъ генералу о полной готовности его части, и отрядъ ровно въ часъ по-полуночи началъ свое движеніе. Генераль Эллисъ пропустилъ мимо себя часть колонны, а когда мы выѣхали впередъ, то замѣтили, что головная часть уклонилась влѣво отъ своего пути; къ счастью, ошибка была легко поправима, такъ какъ мы отошли отъ биваковъ всего сажень 75—100. Колонна шла въ глубокой тишинѣ; къ сторонѣ турокъ не было замѣтно ни малѣйшаго движенія, ни одного признака, который бы указывалъ, что они догадываются о предстоящей имъ участи.

Такъ какъ къ броду нужно было свернуть съ дороги и пройти полемъ около версты, то, чтобы не ошибиться въ ночной темнотѣ, я

выѣхалъ впередъ и провѣрилъ путь до самой рѣки, потомъ вернулся назадъ и провелъ колонну. Бродъ рѣзко обозначался вѣхою; баталіоны стали переходить р. Видъ шеренгами, тщетно выбирая мелкія мѣста, чтобы не промочить сильно ноги. Глубина была довольно значительная и холодная вода заливала черезъ голенище. Перейдя бродъ, колонна собралась и затѣмъ двинулась въ прежнемъ порядкѣ. Провѣрка разстоянія, съ часами въ рукахъ, оказалась полезной, и колонна сосредоточилась совершенно точно въ назначенномъ ей пунктѣ. Войска расположились въ небольшой впадинѣ, окаймленной маленькимъ хребтикомъ, по которому выставлены были часовые отъ казаковъ, на незначительномъ разстояніи, чтобы не наткнуться на черкесовъ и не открыть своего движенія. Мало кто изъ людей уснулъ: одинъ снималъ сапоги, чтобы вылить изъ нихъ набѣжавшую на бродъ воду, другой прилаживалъ амуницію, третій шептался съ товарищемъ и т. п. Костры, разумѣется, были строго воспрещены, точно такъ же какъ и вуреніе трубъ, громкіе разговоры и т. п.

Хотя днемъ генералъ Гурко и указывалъ мнѣ край желтаго поля, котораго мы должны были держаться при дальнѣйшемъ нашемъ движеніи, но ночью довольно трудно было оріентироваться такимъ признакомъ; да кромѣ того большое желтое поле вблизи оказалось состоящимъ изъ множества мелкихъ пашенъ съ прогалинами и изъ сѣнокосовъ, что еще болѣе затруднило опредѣленіе направленія движенія. Поэтому, испросивъ у генерала Эллиса разрѣшеніе, я взялъ съ собою человекъ десять казаковъ, которые когда-то бродили въ этихъ мѣстахъ, и направился на рекогносцировку. Мы проѣхали далеко, не встрѣтивши ни одного черкеса, и я убѣдился, что отряду придется пересѣчь множество засѣянныхъ полей, кукурузныхъ пашенъ и высокихъ травяныхъ луговъ. Я вернулся въ 6 часовъ утра. Генералъ Эллисъ приказалъ людямъ снять шинели, скатать ихъ и надѣть черезъ плечо. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предложилъ священнику прочесть молитву; слышалась команда: «шапки долой» и затѣмъ весь отрядъ началъ набожно креститься.

Ровно въ 6¼ часовъ утра мы двинулись. Впереди, справа и слѣва, рассыпавшись частою цѣпью, слѣдовали казаки и конвой Его Величества. Стрѣлки же построились въ резервный порядокъ такимъ образомъ, что впереди находились 1-й и 2-й баталіоны, а за ними 3-й и 4-й; батареи стали сзади колонны. Движеніе происходило медленно, вслѣдствіе того, что пришлось идти совершенно безъ дороги, часто по мягкому пахатному полю и посреди моря кукурузы, которая иногда совершенно скрывала отрядъ. Конвой, получившій приказаніе войти

разѣздами направо въ связь съ войсками, назначенными дѣйствовать противъ Дольняго-Дубняка, а потомъ, по переходѣ шоссе, съ кубанцами генерала Черевина, сильно уклонился вправо, и генераль Эльлисъ послалъ ему два послѣдовательныхъ приказанія передвинуться болѣе влѣво и сильнѣе прикрыть фронтъ отряда.

Начальникъ колонны, остерегался забирать слишкомъ влѣво, чтобы не попасть во фланговомъ порядкѣ подъ выстрѣлы противника со стороны Горняго-Дубняка, принялъ нѣсколько вправо, рассчитывая потомъ, съ перемѣной фронта къ пункту атаки, поправить ошибку, если бы таковая оказалась. Но вскорѣ послѣ того прибылъ ординарецъ генераль-адъютанта Гурко, капитанъ Карандѣевъ, который сообщилъ, что начальникъ отряда сомнѣвается: правильно ли мы идемъ и не уклоняемся ли слишкомъ вправо.

Вслѣдъ затѣмъ прибылъ генеральнаго штаба полковникъ баронъ Каульбарсъ съ вопросомъ: почему именно нѣсколько замедлилось наше движеніе? Мы могли указать только путь, по которому шла колонна— всѣ изъ силъ выбивались, торопясь впередъ; движеніе шло безостановочно, но, вслѣдствіе огромныхъ трудностей, немного медленнѣе (всего минутъ на 15—20), чѣмъ предполагалось. Еще до прѣзда барона Каульбарса (около 8-ми часовъ утра), наша передовая кавалерійская цѣпь наткнулась на противника и мы услышали сперва отдѣльные, а затѣмъ болѣе частые выстрѣлы спереди и слѣва къ лѣску, гдѣ они раздавались перекатнымъ эхомъ. Солнце свѣтило уже ярко; послѣ свѣжей, даже холодной ночи, наступилъ чудный день.

Выстрѣлы быстро учащались; прямо спереди, у конвоя, уже рѣзко обозначилась лента пороховаго дыма, среди котораго сверкали огоньки, а мимо насъ начали чаще и чаще жужжать пули. Баронъ Каульбарсъ привезъ также приказаніе генерала Гурко—прервать телеграфное сообщеніе по софійскому шоссе; хотя это, по всей вѣроятности, уже было сдѣлано казаками, но, исполняя въ точности полученное приказаніе, генераль Эльлисъ потребовалъ къ себѣ ординарца (офицера 1-го баталіона) и сказалъ ему: «Возьмите двухъ моихъ казаковъ, скачите на шоссе и рубите проволоку». Юноша мгновенно бросился впередъ и исчезъ въ дыму; черезъ нѣсколько минутъ, весь раскраснѣвшійся, онъ уже скакалъ назадъ, торжественно держа въ рукахъ конецъ куска проволоки, сажени въ двѣ длиною. Между тѣмъ, казаки наши были встрѣчены не только черкесами, но и пѣхотою, охранявшею шоссе и засѣвшею въ ложементахъ. Съ обычной храбростью, конвойцы опрокинули непріятельскихъ всадниковъ и завязали перестрѣлку съ пѣшею цѣпью. Въ это время получено было донесеніе, что со стороны Дольняго-Дуб-

нява наступать около одного неприятельскаго табора. Тогда генералъ Эллисъ рѣшился отрядить одинъ баталіонъ, чтобы очистить отъ противника шоссе и прикрыть тылъ колонны отъ могущихъ появиться неприятельскихъ частей со стороны Плевны. Выдвинуть былъ съ этою цѣлью 2-й баталіонъ, командиръ котораго, флигель-адъютантъ полковникъ Гриппенбергъ, опытный туркестанскій воинъ, быстро и энергически выполнилъ свою задачу, выбивъ турокъ изъ ложементовъ; турки послѣ того раза два пытались остановить его наступленіе, но окончательно были отброшены къ сторонѣ Дольняго-Дубняка. При самомъ началѣ движенія 2-го баталіона, уже слышались крики «носилки, носилки!» и наши люди впервые увидѣли раненыхъ товарищей. Всѣ описанныя дѣйствія происходили чрезвычайно быстро и колонна ни на минуту не приостанавливала своего движенія.

Убѣдясь, что мы находимся вблизи шоссе и что, слѣдовательно, дошли до пункта, откуда уже приказано было вести наступленіе противъ Горняго-Дубняка, генералъ Эллисъ приказалъ баталіонамъ зайти правымъ плечомъ, причемъ въ первой линіи оказались: лейбъ-гвардіи 1-й стрѣлковый Его Величества и 3-й стрѣлковый Финскій баталіоны, а во второй лейбъ-гвардіи 4-й стрѣлковый Императорской Фамиліи баталіонъ, на высотѣ котораго двигались батареи (1).

Послѣ этого части перестроились по-ротно и выслали впередъ цѣнь. По укоренившимся понятіямъ мирной практики, роты 2-й линіи двигались въ 100—150 шагахъ отъ 1-й, и стоило не малаго труда, чтобы завести ихъ на должную дистанцію. Часовъ около 8^{1/2}, когда мы окончили перестрѣлку и начали уже наступать къ Дубняку, слышались выстрѣлы въ лѣвой колоннѣ и затѣмъ огонь началъ увеличиваться съ поразительной быстротой и необычайной силой. Среди ружейной трескотни раздавались частые громовые звуки орудійной пальбы. Тогда для насъ окончательно опредѣлилось направленіе движенія, а между тѣмъ, прямо передъ нами, верстахъ въ 2^{1/2}, выглянулъ турецкій главный редутъ и посреди его высокій, рѣзко выдающійся кавалеръ. Я началъ высматривать позицію для артилеріи; въ этомъ мнѣ помогъ командиръ конвоя Его Величества флигель-адъютантъ полковникъ Жуковъ, который, двигаясь тамъ раньше со своими казаками, ознакомился уже нѣсколько съ мѣстностью. Первую позицію батареи

(1) Здѣсь позволю себѣ исправить ошибку, вкравшуюся въ оціяльную редакцію. Тамъ сказано: «на правомъ флангѣ шелъ баталіонъ Императорской фамиліи, на лѣвомъ лейбъ-гвардіи Финскій, а баталіонъ Его Величества въ резервѣ». Изъ вышеизложеннаго читатель видитъ, что это было не такъ. Въ достоверности моего показанія, я совершенно ручаюсь.

заняли саженьхъ въ 1,200 (¹) отъ непріятея и открыли рѣдкій огонь гранатами. Баталіоны же продолжали движеніе впередъ и притомъ съ излишней стремительностью.

Подвигаясь впередъ мы встрѣтили генерала Гурко, который подѣхалъ къ нашей колоннѣ и сталъ на холмахъ, саженьхъ въ 850 отъ главнаго турецкаго редута. Туда же генераль Эллисъ перевелъ свою артилерію, на огонь которой турки немедленно стали отвѣчать. Сначала почти всѣ непріятельскіе снаряды давали перелетъ, шаговъ въ 20-ть, но направленіе ихъ было совершенно вѣрно; что было на батарее далѣе я не знаю, такъ какъ мы отправились впередъ. При послѣдующемъ движеніи мы уже шли подъ сильнымъ непріятельскимъ ружейнымъ огнемъ. Баталіоны первой линіи, подвигаясь безъ выстрѣла впередъ, стали приискывать для себя закрытія, причеиъ финны и одна часть 1-го баталіона приняли влѣво, а другая часть (весьма незначительная) послѣдняго—вправо, такъ что между ними образовался большой интервалъ. За правой частью 1-го баталіона двигался въ резервъ 4-й стрѣлковый баталіонъ. Части эти шли по лощинѣ (или оврагу), въ которой находили нѣкоторое закрытіе отъ непріятельскихъ выстрѣловъ (²). Я говорю «нѣкоторое», потому что пули, падая почти отвѣсно, поражали людей за самыми крутыми скатами. Но важно то, что мы, такимъ образомъ, частью укрывались отъ взорвѣ противника, и потому онъ не могъ сосредоточивать огня преимущественно на какомъ либо пунктѣ и не видѣлъ нашего движенія.

Относительно силы удара турецкой пули, подмѣченномъ всѣми почти участниками войны, вопреки quasi-научнымъ опроверженіямъ, я могу привести слѣдующій случай. Пройдя отъ батареи шаговъ 150, генераль Эллисъ пріостановился для какихъ-то распоряженій. Въ это время я разговаривалъ съ его ординарцемъ, офицеромъ Финскаго баталіона. Вдругъ послышался ударъ пули о саблю послѣдняго и молодой офицеръ упалъ на землю. Сконфузившись, онъ быстро поднялся и, продолжая разговаривать, отъ времени до времени потиралъ себѣ правую ногу. Замѣтивши это, я спросилъ не раненъ ли онъ; послѣ осмотра оказалось, что: сабля была погнута нѣсколько скользящей пулей; толстое пальто пробито; нога, на четверть отъ паха, прострѣлена насквозь и въ прилежащей части пальто выбито круглое выходное отверстіе. Это произошло на разстояніи 2,400 ша-

(¹) А не въ 850, какъ сказано въ реляціи. На 850 саж. была 2-я позиція.

(²) Въ реляціи сказано: «всѣ три стрѣлковыя баталіона, шедшіе вправо отъ батареи, ища укрытія отъ свинцоваго дожда пуль, принимали этой лощиной (въ которой лежитъ с. Горній-Дубнякъ) вправо и, выйдя въ долину, выходили противъ западнаго фронта главнаго редута». Это невѣрно, какъ видитъ читатель.

говъ отъ редута, изъ котораго былъ сдѣланъ выстрѣлъ. Чѣмъ обусловливается такая сила удара? У насъ въ арміи полагали, что сильнѣйшимъ зарядомъ и превосходнѣйшимъ порохомъ.

Говорятъ, что турецкія ружья, будто-бы, даютъ частыя осѣчки; можетъ быть, но и при этомъ условіи быстрота стрѣльбы такъ велика, что въ самое короткое время вся обстрѣливаемая площадь, можно сказать, засыпается свинцомъ. Дальность полета турецкихъ пуль объясняютъ высокимъ прицѣломъ или, вѣрнѣе, стрѣльбой безъ прицѣла, а прямо отъ пояса, подъ угломъ въ 45° ; это, конечно, въ значительной степени справедливо, но, какъ ни поднимайте ружья, пуля далеко не полетитъ, если зарядъ вмѣсто хорошаго пороха будетъ состоятъ изъ мякоти,—обстоятельство, практически не разъ провѣренное въ минувшую кампанію.

При дальнѣйшемъ нашемъ движеніи стали чаще и чаще попадаться ранше, а непріятельскія гранаты безпрестанно шипѣли надъ головою и шлепались большею частью вправо въ лоцинѣ и лишь изрѣдка залетали въ д. Горній-Дубнякъ, оставшуюся правѣе и въ тылу у насъ. Чтобы высмотрѣть подробнѣе окружающую мѣстность и выяснитъ въ точности обстановку, мы поднялись вверхъ къ правому концу большой траншеи. Здѣсь, за небольшимъ ложементомъ, мы нашли около взвода стрѣлковъ 1-го баталіона, которые изрѣдка перестрѣливались съ турками. Влѣво большая траншея не была никѣмъ занята; пространство отъ нея до редута (собственно, какъ видно изъ плана, это не былъ редутъ, но я оставляю названіе, полученное турецкимъ укрѣпленіемъ отъ нашихъ войскъ во время боя и сохраненное даже въ реляціи) представляло почти бильярдную поверхность, безъ малѣйшей складки. Далѣе, влѣво, столбомъ стоялъ дымъ отъ пальбы полковъ 2-й дивизіи. Правѣе насъ непосредственно тянулась лоцина съ крутымъ спускомъ, направлявшаяся отъ Горняго-Дубняка, мимо редута (шаговъ на 300 сѣвернѣе его); далѣе, нѣсколько впереди, у самаго почти края оврага, виднѣлись ряды ложементовъ, занятыхъ турками; а на противоположной сторонѣ лоцины, значительно отступя отъ нея, у опушки лѣса, стояла наша казачья конная батарея, обстрѣливавшая непріятельскія укрѣпленія. Главный турецкій редутъ, фасы котораго совершенно явственно обозначались, а кавальеръ чрезвычайно рѣзко выдавался, былъ, можно сказать, окаймленъ красной полосой, образованной сплошной массой головъ, покрытыхъ фесками. При малѣйшемъ движеніи какой либо нашей части, у турокъ немедленно начиналась дружная пальба, подобно непрерывному треску картечной батареи. Генералъ Эллисъ, узнавши, что полковникъ Гриппенбергъ исполнилъ по-

рученную ему задачу: выбить и отбросить на шоссе турокъ, и что по распоряженію генерала Гурко 2-й баталіонъ уже двигается на присоединеніе къ бригадѣ, приказавъ немедленно лейбъ-гвардіи 4-му стрѣлковому Императорской Фамиліи баталіону войти въ боевую линію. Баталіонъ длинной вереницей тянулся по лощинѣ. Я подошелъ къ шедшему въ головѣ командиру баталіона, гр. Клейнмихелю, и, сообщивъ ему о высмотрѣнныхъ нами ложементахъ впереди, на сватѣ, предложилъ продолжать движеніе въ прежнемъ направленіи и потомъ, поравнявшись съ ложементами, повернуться къ нимъ фронтомъ и броситься безъ палбы въ штыки. Я при этомъ полагалъ, что баталіонъ, двигаясь въ мертвомъ пространствѣ, не будетъ замѣченъ противникомъ и, во всякомъ случаѣ, можетъ безъ значительныхъ потерь ворваться въ ложементы, особенно дѣйствуя быстро и энергически. Графъ Клейнмихель вполне согласился съ моимъ предложеніемъ, и не прошло нѣсколькихъ минутъ, какъ онъ со своимъ баталіономъ бросился на турокъ, моментально выбилъ ихъ и частью прогналъ въ большой редуть, а частью переколотъ въ траншеяхъ.

Изъ того мѣста, гдѣ мы стояли, отлично было видно, какъ опрокинутые турки перебѣгали въ большой редуть. Стрѣлки 1-го баталіона, находившіеся съ нами въ цѣпи, не пропустили случая поохотиться за убѣгавшими и били ихъ съ фланга на выборъ. Графъ Клейнмихель прислалъ къ генералу Эллису съ донесеніемъ о взятіи ложементовъ прапорщика Климова. Офицеръ этотъ собственноручно рубился съ турками въ ложементахъ.....

Все изложенное происходило около 12 ч. дня. Вскорѣ подошелъ нашъ 2-й баталіонъ, который тоже былъ введенъ по приказанію генерала Гурко въ боевую линію, правѣе 4-го баталіона (1) и вошелъ въ связь своимъ крайнимъ правымъ флангомъ лейбъ-гвардіи съ Финляндскимъ полкомъ. Что касается строя, въ которомъ были наши баталіоны, то сначала 1-й и 3-й двигались въ двѣ линіи ротныхъ колоннъ съ цѣпью впереди. Последняя постепенно усиливалась подъ дѣйствіемъ непріятельскаго огня, и, наконецъ, всѣ роты образовали собою стрѣлковую цѣпь. 4-й и 2-й баталіоны, кажется, сразу цѣликомъ развертывались и одновременно начинали бой всѣми ротами.

Движеніе впередъ изъ занятой позиціи было невозможно, нѣкоторые наши части находились шагахъ въ 600, другія въ 250 отъ

(1) Въ реляціи сказано: «Я послалъ приказаніе... обоимъ стрѣлковымъ баталіонамъ (1-му и 2-му) идти впередъ на усиленіе боевой линіи». Изъ моего разсказа видно, что 1-й и 3-й баталіоны съ самаго начала были впереди, потомъ введенъ былъ 4-й и, наконецъ, по приказанію генерала-адъютанта Гурко, 2-й баталіонъ.

главнаго редута. Пространство между ними и непріятельскими укрѣпленіями было совершенно открыто и обстрѣливалось сплошной массой свинца. Не смотря на то, что турецкія орудія перестали уже дѣйствовать, такъ какъ вся прислуга при нихъ была (это мы узнали впоследствии) перебита преимущественно нашей шрапнелью, тѣмъ не менѣе наши собственныя гранаты изъ другихъ колоннъ, давашія перелеты, постоянно свистѣли надъ головою. Къ счастью, рѣдко которая изъ нихъ разрывалась... Противникъ обнаруживалъ еще чрезвычайную энергію и вниманіе: достаточно было подняться изъ ложемента, какъ немедленно проносился мимо цѣлый роій пуль; всякая попытка къ движенію впередъ вызывала сокрушительный огонь; какой-то инстинктъ говорилъ каждому изъ насъ, что еще не настала минута рѣшительной атаки. Психологическій фактъ чрезвычайно замѣчательный! Выраженіе лицъ, отдѣльныя замѣчанія и пр. и пр. признаки, часто, повидимому, неувидимые, почти безошибочно подсказываютъ результатъ критическаго, рѣшительнаго предпріятія. Никто изъ насъ не настаивалъ въ эту минуту на необходимости безотлагательнаго движенія впередъ—чувствовалось, что оно окончилось бы неудачей.

Подъ вліяніемъ убѣжденія, что намъ еще долго придется сидѣть неподвижно и заниматься подстрѣливаніемъ другъ друга, а также вслѣдствіе усталости отъ безсонной ночи и напряженія всѣхъ силъ, я, сидя за валикомъ, минутъ на пять погрузился въ глубочайшій сонъ. Это меня замѣтно освѣжило.

Между тѣмъ, генераль Гурко, замѣтивши значительный промежутокъ, образовавшійся между нашими баталіонами, а также и между другими частями, взялъ изъ резерва лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ и отправилъ его въ бой по направленію къ упомянутымъ промежуткамъ. Лѣвѣе отъ насъ, прямо къ большой траншеѣ, подходилъ 4-й баталіонъ.

Командиръ полка, свиты Его Величества генераль-маіоръ Эллисъ 2-й подбѣжалъ къ измайловцамъ и, напомнивъ имъ доблести ихъ бородинскихъ предковъ, сталъ въ головѣ 4-го баталіона. Глядя назадъ, мы издали любовались этими молодцами, двигавшимися впередъ, под сильнымъ огнемъ, въ образцовомъ нарядномъ порядкѣ и стройности. Головныя роты шли въ развернутомъ строѣ; всѣ офицеры на своихъ мѣстахъ; люди, съ серьезными лицами и держа ружья вольно, отбивали шагъ. «Правой, правой, правой!» изрѣдка слышалась команда. Промежутки, образовавшіеся отъ убитыхъ и раненыхъ, немедленно смыкались и измайловцы безостановочно продолжали свое стройное движеніе на разстояніе около 650 шаговъ отъ непріятеля. Подойдя къ

траншеѣ, они залегли и открыли огонь. Стрѣляли, собственно говоря, только одиночные люди и то когда представлялась хорошая цѣль. Безпутная трата патроновъ совершенно не въ духѣ русскаго солдата. Въ послѣдующихъ дѣлахъ, рассказывали мнѣ офицеры, они иногда совѣтовали, для опыта, людямъ не слишкомъ беречь патроны, а стараться до штыковой свалки нанести противнику побольше вреда. Послѣ того офицеръ обращается къ солдату съ вопросомъ: «Сколько выпустилъ патроновъ?»—«Ни одного, не въ кого цѣлить было, а въ феску пустая стрѣльба». Такъ и въ настоящемъ случаѣ. Покажется на брустверѣ турокъ, сейчасъ-же унтеръ-офицеръ приказываетъ: «Такой-то, снимика его, да смотри не торопись; ты N, на сколько давеча ставилъ прицѣлъ»? Всѣ съ величайшимъ любопытствомъ слѣдятъ что выйдетъ. Слѣдуетъ выстрѣлъ и затѣмъ или общее удовольствіе, или насмѣшливый замѣчаніи. Особенно отличался конвойный казакъ, бывшій ординарцемъ у генерала Элліса. Его остроты надъ турками возбуждали общій смѣхъ; ни одного изъ нихъ, показывавшихся на брустверѣ, онъ не пропускалъ своимъ замѣчаніемъ или выстрѣломъ. Впослѣдствіи, при общей атакѣ, этотъ казакъ, по фамиліи Гладкій, выпросился самъ идти охотникомъ на штурмъ и всѣхъ воодушевлялъ своимъ примѣромъ.

Когда Измайловскій полкъ вошелъ въ боевую линію и 4-й баталіонъ занялъ большую траншею, то, какъ я упомянулъ уже, открылъ рѣдкую пальбу по большому редуту и, какъ кажется, вслѣдствіе недоразумѣнія, по траншеямъ, занятымъ 4-мъ стрѣлковымъ баталіономъ, полагая, что тамъ турки. Графъ Клейнмихель послалъ тогда офицера для предупрежденія полка и разъясненія недоразумѣнія. Съ порученіемъ отправился уже знакомый читателю прапорщикъ Климовъ. вмѣсто того, чтобы объѣхать по лоцинѣ, онъ, подъ вліяніемъ беззавѣтной, ни передъ чѣмъ не останавливающейся удали, рѣшилъ дѣло проще: сѣлъ верхомъ на лошадь и шагахъ въ 300, подъ убійственнымъ огнемъ турокъ, сосредоточившихъ на немъ выстрѣлы, двинулся напрямикъ, по совершенно открытому мѣсту. «Измайловцы, не стрѣлять! Измайловцы, не стрѣлять! Свои, свои!» кричалъ онъ, сидя на лошади и махая руками. Затѣмъ совершенно спокойно повернулъ назадъ и шагомъ уѣхалъ на свое мѣсто. Всѣ, кто видѣлъ эту сцену, съ изумленіемъ слѣдили за отважнымъ офицеромъ, оставшимся притомъ, что по истинѣ удивительно, совершенно невредимымъ. Впослѣдствіи онъ былъ раненъ и лишился руки.

Въ такомъ взаимномъ обстрѣливаніи прошло часа два. Генералъ Гурко, осмотрѣвши всю позицію и видя, что многія изъ частей подо-

шли очень близко къ редуту и что непріятельская артилерія давно уже замолчала, рѣшился произвести общую атаку, причемъ сигналомъ ей должны были служить залпы, произведенные съ трехъ батарей (каждая по три). По послѣднему залпу (изъ батареи нашей колонны) всѣ части должны были двинуться на штурмъ. Получивши это распоряженіе, генераль Эллисъ поручилъ мнѣ написать соответственное приказаніе командиру 6-й батареи л.-гв. 2-й артилерійской бригады. Этотъ драгоценный историческій документъ хранится у меня. Вотъ буквальная съ него копія: «По приказанію генерала Гурко, три батареи, а именно: отряда генерала Розенбаха, генерала Зедделера и моего, дадутъ каждая *по три залпа*, начиная съ батареи генерала Розенбаха и кончая вашей. Послѣдній вашъ залпъ долженъ служить *сигналомъ общей атаки*. При стрѣльбѣ имѣйте въ виду, что ваши снаряды могутъ попадать въ 4-й стрѣлковый баталіонъ, находящійся на правомъ моемъ флангѣ (¹)».

По прочтеніи этого приказанія, генераль Эллисъ потребовалъ къ себѣ ординара, казачьяго сотника, и отправилъ его по назначенію. Вскорѣ сотникъ вернулся и привезъ записку обратно. «Ну, что прочелъ полковникъ?» спросилъ генераль Эллисъ. — «Два раза прочелъ, сказалъ, что понялъ и отдалъ мнѣ записку назадъ, говоря, что ему болѣе не нужна», отвѣчалъ ординарецъ. Генераль Эллисъ вслѣдъ за тѣмъ сдѣлалъ соответствующія распоряженія по своему отряду, а ближайшихъ нижнихъ чиновъ и офицеровъ самъ предупредилъ о значеніи сигналовъ. Не успѣли еще всѣ эти распоряженія дойти по назначенію, какъ, ко всеобщему изумленію и ужасу, раздался залпъ съ нашей батареи. Въмѣсто того, чтобы стрѣлять послѣдней, она начала пальбу первой! Трудно представить себѣ, въ какое отчаяніе привелъ насъ это непостижимое недоразумѣніе. Записка была редактирована такъ ясно и опредѣленно, что всякій не военный легко пойметъ, въ чемъ дѣло. Что оставалось дѣлать? Путаница была неизбежна. Оставалось единственно возможное рѣшеніе, къ которому генераль Эллисъ и прибѣгнулъ. А именно: нужно было, если только не послѣдуетъ отъѣмъ, считать залпы не съ лѣваго, а съ праваго фланга, т. е. съ нашей батареи. Намъ долго пришлось ожидать сосѣднихъ выстрѣловъ. Можно себѣ представить, какъ мы прислушивались къ ихъ звуку. Наконецъ раздался одинъ, другой, третій гулъ. Оставалось еще выждать три залпа, но тутъ поднялась такая трескотня по всей линіи, въ которой трудно было что нибудь различить; все сливалось въ сплошной гулъ. «Вотъ 7-й залпъ», — кто-то считаетъ; потомъ: «8-й». — «Нѣтъ

(¹) Слова напечатанныя курсивомъ, въ подлинной запискѣ подчеркнуты.

это ружейный огонь», возражаютъ; пошли своры и дебаты... Между тѣмъ мы стали ободрять сосѣднихъ къ намъ людей. Генераль Эллисъ сталъ, обошелъ ближайшій участокъ цѣпи и сдѣлалъ нѣсколько назначеній людямъ. «Смотри, ребята,—говорили мы имъ,—смѣлѣе бросайся впередъ и лети стремглавъ; чѣмъ скорѣе добѣжите, тѣмъ меньше потерь. Горнисты! Какъ бросятся люди—труби атаку».—«Эхъ, изрѣшεται они насъ, ваше в—діе!» послышалось замѣчаніе.... а огонь все усиливается... «9-й залпъ!» крикнулъ кто-то. «Впередъ! ура! Горнисты, труби!» Люди бросились изъ-за закрытій, закричали «ура! ура!...» но въ этомъ звукѣ не слышно было всеограшающей увѣренности въ успѣхъ дѣла. Поразительно, какъ вѣрно чувствуется подобное настроеніе. Едва наши поднялись изъ траншей и стремглавъ бросились впередъ, какъ турки съ бѣшенымъ неистовствомъ затрепали изъ ружей. Безъ преувеличенія говорю, что цѣлыя тучи свинца неслись мимо насъ. Множество людей повалилось убитыми и ранеными. Одинъ моментально кватался за сердце и какъ снапъ падалъ на землю; другой стоналъ отъ раздробленной ноги; третій катался въ невыносимыхъ мученіяхъ, получивши сывозную рану въ животъ... Цѣпь наша, пробѣжавши нѣмого впередъ, залегла и застыла на мѣстѣ. Горнисты, къ которому обращался, едва успѣлъ разъ пискнуть и свалился.

Сосѣди наши, измайловцы, двигались сначала перебѣжками; рѣтвые командиры съ саблями на-голо, впереди своихъ частей, командиръ полка—передъ цѣпью. Раненый двумя пулями, командиръ 14-й роты Горововъ запретилъ санитарамъ перевязывать и убирать его, говоря, что есть болѣе тяжело раненые, чѣмъ онъ. Не смотря на все это, измайловскій баталіонъ тоже не могъ особенно далеко продвинуться. Вполнѣствіи уже наши люди ползкомъ по одиночѣ стали пробираться передъ шаговъ на 100 до редута. Неудача атаки не была, собственно говоря, для насъ сюрпризомъ; мы это предчувствовали со времени роковаго перваго залпа.

Съ тяжелымъ чувствомъ мы опять успѣли за валикъ. Тутъ къ намъ подошелъ командиръ полка, сильно потрясенный пережитыми имъ мученіями. Мы видѣли, что дѣло затягивается и что потребуется еще много жертвъ, чтобы покончить со стойкимъ противникомъ.

По прекращеніи атаки тотчасъ усиленно забѣгали по полю санитары. Честно, мужественно они исполняли свой долгъ. Разыскивая раненыхъ, имъ невозможно было пользоваться мѣстными закрытіями, а почти вдвоемъ, втроемъ надъ перевязкой дѣлала ихъ отличной мненью для внимательныхъ турокъ; но это не уменьшало энергіи и ютливаго исполненія своихъ обязанностей мужественными людьми.

Они считали ухоть за раненымъ не только служебнымъ, но и христіанскимъ долгомъ.

Послѣ неудачи общей атаки, бой съ обѣихъ сторонъ почти совсѣмъ затихъ; лишь изрѣдка раздавались одиночные выстрѣлы—вѣрный признакъ, что кто-то охотился за туркомъ. Нельзя сказать, чтобы отбитіе приступа произвело на людей особенно угнетающее впечатлѣніе; они скорѣе были раздражены, нежели подавлены. Это счастливое настроеніе имѣло важныя послѣдствія. Замѣтивши, что турки чрезвычайно внимательно слѣдятъ за всѣми нашими движеніями и немедленно открываютъ пальбу при малѣйшей попыткѣ къ наступленію, люди въ нѣсколькихъ пунктахъ, точно согласившись между собою, продѣлывали такой маневръ: надѣваютъ на штыки фуражки и затѣмъ, по командѣ, сразу поднявши кверху ружья, дружно кричатъ «ура!» Турки впопыхалы, не разглядѣвши въ чемъ дѣло, отвѣчаютъ бѣшенымъ огнемъ, а у насъ раздается общій смѣхъ, остроги, шуточки. Въ этомъ смѣхѣ чувствовалось уже извѣстнаго рода презрѣніе къ противнику, и нѣкоторые начальники, условившись между собою, рѣшились воспользоваться такимъ настроеніемъ своихъ частей (объ этомъ говорится даже въ реляціи флигель-адъютанта полковника Гринпенберга), и какъ только замѣтятъ попытку къ дѣйствительному движенію съ другихъ пунктовъ позиціи—немедленно тоже броситься на штурмъ.

Между тѣмъ солнце уже низко спустилось, скоро должны были наступить сумерки. Генераль Гурко прислалъ къ намъ ординарца своего, ротмистра Скалона, чтобы разузнать о положеніи дѣлъ. Онъ едва могъ къ намъ пробраться. Сидя наверху, мы указывали ему, какъ можно дойти къ намъ изъ лоцины, по которой онъ проѣзжалъ. Скалонъ привезъ намъ не мало печальныхъ извѣстій. Отъ него мы узнали о раненіи генераловъ Зедделера, Розенбаха и флигель-адъютанта полковника Любовицкаго, а также что мы понесли невознаградимую потерю въ генералѣ Лавровѣ: во время общей атаки онъ сталъ во главѣ своего Финляндскаго полка и палъ смертельно-сраженный пулею, пробившей ему животъ (Онъ страдалъ еще дня два).

Я рассказываю о томъ, что самъ видѣлъ, и лишь изрѣдка опишу, по необходимости, событія, совершавшіяся внѣ моего наблюденія въ настоящемъ случаѣ я именно отступаю отъ общаго характера моего описанія — читатель не осудитъ меня за это. Во время описанныхъ дѣйствій правой колонны, полки 2-й дивизіи работали противъ другихъ фасовъ редута. Лейбъ-гвардіи Гренадерскій полкъ, имѣвшій правѣе себя лейбъ-гвардіи Московскій, подходя къ турецкой позиціи, построился такимъ образомъ, что впереди находился 4-й баталіонъ, 2-й и 3-

составляли резервъ, а 1-й двигался уступомъ за батареей, слѣдовавшей на правомъ флангѣ полка. Еще въ тѣсу лейбъ-гренадеры были встрѣчены огнемъ турокъ и прогнали ихъ изъ бывшихъ тамъ ложементовъ. Выйдя на опушку, командующій полкомъ, флигель-адъютантъ полковникъ Любовицкій, приказалъ 4-му баталіону занять ее, а самъ отправился ко 2-му и 3-му баталіонамъ, которые уклонились влѣво и зашли въ расположеніе л.-гв. Павловскаго полка. Полковникъ Любовицкій перевелъ ихъ вправо, причемъ 2-й баталіонъ сталъ правѣе 4-го, а затѣмъ 3-й. Послѣ того, командующій полкомъ внимательно осмотрѣлъ позицію турокъ и, увидѣвши малый непріятельскій редутъ, а также расположеніе другихъ частей, пришелъ къ совершенно вѣрному заключенію, что дальнѣйшее пребываніе людей подъ мѣткимъ огнемъ противника поведетъ за собою лишь напрасныя потери, а потому рѣшился атаковать непріятеля. Слѣдуетъ замѣтить, что съ пунктовъ его вблуденій большой редутъ невозможно было пока разглядѣть. Принявъ упомянутое рѣшеніе, флигель-адъютантъ полковникъ Любовицкій сдѣлалъ соответственныя распоряженія. Ставъ самъ во главѣ полка, передъ 2-мъ баталіономъ, онъ, съ саблей на-голо, повелъ его на штурмъ, причемъ былъ тутъ раненъ, но остался въ строю. Стремительно, грозной тучей бросились впередъ лейбъ-гренадеры и, не смотря на жесточайшій огонь противника, съ одного размаха овладѣли малымъ редутомъ и перекололи почти всѣхъ его защитниковъ. Эта атака, вмѣстѣ съ предшествующими потерями, обошлась полку около 200 чел. убитыми и болѣе 400 ранеными. Много раненыхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ не выходили изъ строя, въ томъ числѣ между прочими и командующій 2-мъ баталіономъ капитанъ Засуличъ. Во время атаки картечная пуля ударила его наискось въ животъ, сорвала часть мундира и сильно контузила. Онъ упалъ почти безъ чувствъ, но потомъ оправился и прибѣжалъ къ своему баталіону. Занявши малый редутъ, лейбъ-гренадеры находились уже въ весьма близкомъ разстояніи отъ главнаго непріятельскаго укрѣпленія и подъ сильнѣйшимъ изъ него огнемъ.

Оставаться въ такомъ положеніи тоже было тяжело, и потому флигель-адъютантъ полковникъ Любовицкій, спустя, впрочемъ, значительный промежутокъ времени, рѣшился повести общую атаку и противъ большаго редута. Самъ онъ сталъ передъ 1-мъ баталіономъ, рядомъ съ собою приказалъ идти барабанщику и бить атаку. Офицеры впереди своихъ частей съ саблями на-голо.

Можно себѣ представить, какъ турки отвѣтили на это движеніе; въ мало храбрыхъ лейбъ-гренадеровъ пало подъ ударами непріятельскаго свинца. Тутъ же былъ смертельно раненъ командиръ баталіона пол-

ковникъ Аспелундъ. Барабанщикъ, бывший при командующемъ полкомъ, сраженный пулей, палъ рядомъ съ послѣднимъ; тогда флигель-адъютантъ полковникъ Любовицкій надѣваетъ на себя барабанъ и бьетъ атаку, впереди полка; видя, что это не дѣйствуетъ, онъ выхватываетъ саблю и воодушевляетъ людей, но всякая попытка къ движению сокрушается убійственнымъ огнемъ. Дѣйствія лейбъ-гренадеровъ имѣли чрезвычайно важное значеніе на общій ходъ дѣла, и потому-то я на нихъ остановился. Кромѣ того, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ боя, все говорили объ ихъ смѣлыхъ атакахъ. Въ такія искреннія минуты, чужая слава всегда великодушно признается.... Занявши малый редутъ, лейбъ-гренадеры сразу подошли къ главной непріятельской позиціи на такое близкое разстояніе, что достаточно было одной счастливой перебѣжки, чтобы овладѣть ею.

Притомъ турки тогда не могли уже защищать своихъ передовыхъ траншей и должны были сдать ихъ намъ безъ боя (кромѣ тѣхъ ложементовъ, которые атаковалъ 4-й стрѣлковый баталіонъ). Прочіе полки 2-й дивизіи дѣйствовали съ геройской храбростью, на другихъ пунктахъ поля сраженія; окончателныя ихъ атаки тоже встрѣчали смертоносный отпоръ.

Между тѣмъ вечерѣло; бой совершенно замолкъ. Въ непріятельскомъ редутѣ появились огни; вспыхнули шалаши, зажженные, вѣроятно, нашей артилеріей. Тяжелыя думы бродили въ головѣ. Какъ! первое наше серьезное дѣло; и вдругъ нерѣшительный результатъ.... Говорятъ, генералъ-адъютантъ Гурко обдумывалъ приказаніе; общій смыслъ котораго заключался въ томъ, чтобы, съ наступленіемъ темноты, вывести войска изъ сферы ружейнаго огня, окопаться тамъ на ночь, и съ разсвѣтомъ возобновить атаку.

Среди этихъ тяжкихъ думъ, мы вдругъ слышимъ издали, со стороны лейбъ-гренадеръ, слабыя звуки барабана и какъ будто бы «ура!» Мы вскочили съ своихъ мѣстъ, стали напряженно прислушиваться; крики растутъ все сильнѣе и сильнѣе, наши подхватываютъ.... Настрадавшая грудь высоко подымается, вырываются дикіе, болѣзненно-рѣзкіе, но гровыя для врага крики, и все сливается въ сплошной ревъ, въ потрясающій стонъ.... А какія воодушевленные лица, какое счастье въ глазахъ! Вся масса, какъ одинъ человѣкъ, подымается и лавой несется на противника. Тщетно послѣдній открываетъ неумолкаемую, торопливую пальбу. Ураганъ ожесточенныхъ людей несся на него съ неудержимой силой. Въ то время, какъ на другомъ фасѣ, со стороны полковъ Лейбъ-Гренадерскаго, Московскаго, Павловскаго, говорятъ, былъ выброшенъ бѣлый флагъ, у насъ его не было видно, и ближай-

шіе въ намъ стрѣлковые баталіоны совместно съ сосѣдними частями на штыкахъ ворвались въ редутъ. Лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка штабсъ-капитанъ Кушелевъ вскочилъ на брустверъ и едва успѣлъ крикнуть: «ребята, за...» какъ повалился навзничь; та же участь постигла слѣдовавшихъ за нимъ людей; оказалось, что турецкій офицеръ, сидя за брустверомъ, мѣткими выстрѣлами билъ на повалъ всякаго, кто передъ нимъ появлялся. Скоро, впрочемъ, онъ получилъ должное возмездіе. Не долго продолжалась штыковая работа, но груды турокъ завалили все внутреннее пространство. Такъ какъ непріятельскіе шалаши, расположенные по внутренней крутости бруствера, загорѣлись, то не мало раненыхъ погибли въ нихъ мученической смертью. Общая картина была поразительна: огромные огненные языки отъ пылавшихъ шалашей, повозокъ; клубы дыма, отъ тлѣвшихъ кожъ, горѣвшихъ животныхъ, палатокъ; непрерывный трескъ лопавшихся патроновъ, и надъ всѣмъ этимъ—громкій гулъ ликующаго, счастливаго побѣдителя. На томъ фасѣ, гдѣ, какъ говорятъ, былъ выкинутъ бѣлый флагъ, какъ только наши ворвались въ редутъ, къ первому попавшемуся офицеру вышелъ адъютантъ паши и палъ на колѣни, прося пощады. Немедленно было отдано приказаніе прекратить бой, и тотчасъ послѣ этого появился Хифзи-паша, а за нимъ уцѣлѣвшія части бывшихъ въ редутѣ семи таборовъ, и начали бросать оружіе, сдаваясь въ плѣнъ.

Между тѣмъ, послѣ первыхъ минутъ восторга, войска начали разбираться, горнисты затрубили въ разныхъ направленіяхъ, и пошли немолчаемые крики: «Московскіе сюда! Стрѣлки собирайся!» и т. п. Разумѣется, не легко было разобраться; пережитыя ощущенія были слишкомъ сильны, всякій пока занятъ былъ собою, говорили сразу всѣ, никто другъ друга не слушалъ, многіе незнакомые бросались цѣловаться и какой-то офицеръ, увидѣвши меня, обратился въ сильномъ возбужденіи съ просьбой: «Полковникъ, примите начальство надъ нашимъ полкомъ; изъ него осталось два слабыхъ баталіона, я молодой офицеръ, штабсъ-капитанъ, оказываюсь старше всѣхъ; я неопытенъ...» Пришлось успокоить молодаго человѣка и убѣдить его, что, вѣроятно, найдется кто нибудь постарше его и что, во всякомъ случаѣ, теперь все дѣло уже очень просто—стать на бивакъ, гдѣ приважутъ, разобраться, сосчитаться и лечь спать.

Простившись съ генераломъ Эллисомъ, я пошелъ разыскивать отрядный штабъ. Я нашелъ всѣхъ у бугра, гдѣ стояла во время боя батарея. Генералъ Гурко отдавалъ приказанія относительно расположенія войскъ на бивакъ и мѣръ охраненія въ теченіе ночи, а затѣмъ отправился въ д. Горній-Дубнякъ. Покончивши свое дѣло, я тоже туда

направился и расположился вмѣстѣ со Ставровскимъ въ опустѣвшей избѣ. И говорить нечего, что долго-долго не могли мы уснуть, дѣлаясь пережитыми впечатлѣніями.

Между тѣмъ въ деревнѣ вспыхивали непрерывные пожары. Причинъ на ихъ заключалась частью въ неосторожномъ обращеніи съ огнемъ людей, вагрянувшихъ за топливомъ и подстилкой и желавшихъ согрѣться въ свѣжую октябрьскую ночь; частью же просто вследствие нѣкоторой страсти къ разрушенію, которое является какъ одно изъ неизбежныхъ психическихъ послѣдствій боя. Генераль Гурко долженъ былъ даже выслать отъ конвоя особые развѣды по деревнѣ съ самыми широкими полномочіями для прекращенія пожаровъ.

На другой день генераль-адъютантъ Гурко объѣхалъ поле сраженія и благодарилъ части за ихъ доблестное поведеніе. По мѣрѣ приближенія къ редуту попадалось все болѣе и болѣе убитыхъ. Удивительныя встрѣчались позы у умершихъ людей: иной лежитъ на боку, причѣмъ противоположная рука какъ стрѣла вытянулась кверху; другой схватился обѣими руками за голову и такъ заснулъ вѣчнымъ сномъ; одинъ стрѣлокъ Московскаго полка, какъ стоялъ у дерева нацѣлившись, такъ и застылъ на мѣстѣ, только ружье вывалилось изъ рукъ; у турокъ очень много убитыхъ лежали на спинѣ съ ногами и руками поднятыми кверху—это, вѣроятно, жертвы штыковыхъ ударовъ прямо въ сердце. Часто попадались значительныя лужи крови, вытекшей изъ ранъ, повсюду лежало множество разбросаннаго, то цѣлаго, то переломаннаго и разбитаго оружія. Много нашихъ ружейныхъ ложъ было сломано въ шейкѣ—работа значить шла не штыкомъ, а прикладомъ. Вездѣ, гдѣ лежали группы раненыхъ, валялось множество разнаго хлама, изорванныхъ мундировъ и т. п. остатковъ одежды, которую приходилось распарывать, обрывать при перевязкахъ. Внутреннее пространство редута было буквально завалено трупами, особенно вдоль бруствера—тамъ громоздились цѣлыя груны; тутъ же валялся перебитый скотъ: лошади, быки, овцы, козлы и т. п. Наиболѣе тягостное впечатлѣніе производили черные обгорѣлые трупы, съ запекшейся бѣлой пѣной у рта... На кавальерѣ, гдѣ помѣщались орудія, я видѣлъ зарѣзаннаго турками солдата Московскаго полка. Наши достойные противники нашла-таки время изувѣчить человѣка, хотя катастрофа для нихъ уже совершалась. У турецкихъ орудій, съ видимыми слѣдами поврежденій отъ нашихъ выстрѣловъ, поставленъ былъ нашъ часовой. Брустверь редута былъ сложенъ очень хорошо изъ дернинъ и имѣлъ почти отвѣсныя отлогости. Впереди его находился ровъ, а вдоль внутренней стороны устроено было множество шалашей изъ дерева и земли.

Въ караулѣ, на шоссе, помѣщался перевязочный пунктъ лейб-гренадерскаго полка; рѣдко раздавался здѣсь стонъ. Страдальцы и умиравшіе молчаливо лежали около избы, на носилкахъ, покрытые своими шинелями. Кругомъ валялись груды изорванной одежды. Медики усиленно работали. Генераль Гурко обнялъ и поцѣловалъ полковника Любовицкаго, который вышелъ къ нему на встрѣчу, поддерживаемый подъ руки. Тутъ же стояла кучка офицеровъ человекъ въ 11 — остатки полковаго состава въ 40 человекъ. Между ними также нѣкоторые были ранены, но не выходили изъ строя.

Во многихъ мѣстахъ поля сраженія уже были вырыты общія могилы и кругомъ нихъ снесены и расположены стройными рядами убитые. Невдалекѣ находились и могилы офицеровъ. Долго еще послѣ того въ теченіе нѣсколькихъ дней раздавались печальные звуки похороннаго марша на площадкѣ передъ редутомъ; склонивъ головы, офицеры провозжали своихъ товарищей....

Послѣ занятія Горняго-Дубняка мы укрѣпились къ сторонѣ Плевны и выставили отрядъ на шоссе по направленію къ Телишу, который, какъ извѣстно, былъ атакованъ неудачно тоже 12-го октября. Противъ Телиша заняли позицію полки 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи. Рекогносцируя эту мѣстность, генераль Гурко, подозвавши меня къ себѣ, указалъ общее направленіе нашей позиціи и приказалъ составить проектъ ея укрѣпленія. Я немедленно приступилъ къ дѣлу; осмотрѣвши мѣстность на лѣвомъ флангѣ, я отправился къ противоположному концу, гдѣ находился пространнѣйшій лѣсъ, среди котораго рѣзко выдѣлялась поросшая густымъ кустарникомъ высота. Пробираясь среди чащи, я весь изодрался, а осмотрѣвши мѣстность долженъ былъ придти къ печальному заключенію, что огромное лѣсное пространство передъ высотой необходимо было вырубить, такъ какъ иначе невозможно было обезпечить этого фланга.

Впослѣдствіи тамъ была устроена отличная двухъ-ярусная артиллерійская оборона, а также траншеи для стрѣлковъ. Возвращаясь назадъ, я замѣтилъ, что на опушкѣ лѣса слѣдилъ за мною конный черкесь, который, видя, вѣроятно, близость нашихъ войскъ, не рѣшился сдѣлать нападенія или выстрѣлить. Возвратившись на шоссе, я нашелъ тамъ начальника инженеровъ арміи генерала Денпа, который предложилъ мнѣ относительно подробностей укрѣпленія позиціи условиться съ саперными офицерами, назначенными на работы. Старшимъ оказался лейбъ-гвардіи Сапернаго баталіона штабсъ-капитанъ Чудовскій, съ которымъ мы и отправились пѣшкомъ вдоль позиціи, взявши съ собой важнѣйшихъ чиновъ для разбивки укрѣпленій. При этомъ меня поразило

какъ наши люди быстро обстрѣлялись и поняли въ одинъ день гораздо болѣе, чѣмъ въ мѣсяцъ мирнаго обученія сущность примѣненія въ бою къ мѣстности. Нѣкоторые изъ людей двигались впереди насъ и сами останавливались: «здѣсь хорошо для ложементовъ», замѣчали они,—и почти всякій разъ безошибочно. Только въ вечеру успѣли мы повончить нашу работу. Ничего не ѣвши со вчерашняго вечера, я совершенно заморился. Между тѣмъ саперамъ подвезли кое-что. Тотчасъ разложенъ былъ костеръ, достали мѣдный чайникъ и скоро былъ готовъ чай; оказался недостатокъ лишь въ сахарѣ; но жажда была такъ велика, что мы скоро потеряли счетъ выпитымъ стаканамъ чаю.

Составивъ кроки позиціи, я поѣхалъ къ генералу Гурко (1). Проектированныя укрѣпленія состояли изъ нѣсколькихъ батарей, двухъ люнетовъ и ложементовъ для цѣпи съ резервами. Послѣдніе помѣщались приблизительно на линіи батарей, а цѣпь вынесена была впередъ шаговъ на 450—500. Цифра эта уже казалась намъ святотатствомъ противъ мирныхъ понятій: обыкновенно на маневрахъ стрѣлки выставлялись шаговъ на 150—200 передъ батареею, и потому читатель долженъ оцѣнить нашу храбрость — такъ радикально нарушить мирныя нормы. Но генералъ Гурко не остановился на этомъ: разсмотрѣвши кроки, онъ одобрилъ проектъ укрѣпленій, но приказалъ цѣпь выдвинуть впередъ еще шаговъ на 400, а ложементы, назначенные нами для стрѣлковъ, предоставить резервамъ цѣпи. Замѣчаніе начальника отряда основывалось вполнѣ на дальности вынѣшняго огня пѣхоты и было совершенно вѣрно. Въ тотъ же день начались работы на позиціи и скоро мы были обезпечены и съ этой стороны. Тогда генералъ Гурко сталъ уже помышлять объ овладѣніи Телишемъ.

Потребовавъ меня къ себѣ, онъ приказалъ намъ втроемъ, а именно: командиру 3-й гвардейской и гренадерской артилерійской бригады полковнику Зиновьеву, начальнику штаба 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи полковнику Энкелю и мнѣ отправиться по направленію къ Телишу и выбрать мѣста для расположенія батарей, которыя должны были бомбардировать турокъ.

15-го октября, утромъ, мы собрались у полковника Зиновьева и отправились на рекогноспировку. Подѣхавъ къ правому флангу нашихъ аванпостовъ, мы увидѣли, что турецкіе посты находятся въ весьма близкомъ разстояніи отъ нашихъ. Одиночные всадники стоятъ симметрически другъ противъ друга и зорко слѣдятъ за малѣйшимъ движеніемъ на противоположной сторонѣ. Офицеръ лейбъ-гвардіи Гродненскаго гусарскаго полка указалъ намъ мѣсто на правомъ флангѣ, откуда

(1) См. Чертежъ I. Планъ окрестностей с. Горній-Дубнякъ.

мы превосходно могли разглядѣть позицію турокъ (¹). По обѣ стороны шоссе тянулся сплошной брустверъ, отъ концовъ котораго шли назадъ перпендикулярные фасы; противъ праваго нашего фланга турки выдвинули новое укрѣпленіе и торопливо его строили. Далѣе вправо, на высотѣ, виднѣлся укрѣпленный лагерь.

Высмотрѣвъ здѣсь все, что намъ было нужно, мы отправились далѣе; причеиъ Энкель и Зиновьевъ, пользуясь отдѣльными деревьями, собирались на нихъ для своихъ наблюденій. Густой и высокій терновникъ нѣсколько скрывалъ наши движенія. Двигаясь влѣво отъ шоссе, мы были предупреждены гусарскимъ офицеромъ—быть осторожныѣе, подходя къ уланской цѣпи (съ южной стороны), такъ какъ тамъ постоянно гарцуетъ какой-то баши-бузукъ, который стрѣляетъ по всѣмъ прибывающимъ въ цѣпь. Не смотря на замѣчаніе, мы, по предложенію Энкеля, поѣхали впереди аванпостовъ и едва только поравнялись съ уланами, какъ раздались выстрѣлы и засвистѣли пули у самаго носа, такъ что иной разъ ощущалось даже движеніе воздуха. Пришлось отъѣхать шаговъ 30 за цѣпь, и тогда мы были оставлены въ покоѣ. Впрочемъ, такъ какъ мѣстность повышалась къ нашей сторонѣ, то мы еще лучше могли рекогносцировать, отъѣхавъ назадъ, что, повидимому, превышало соображенія нашего противника. Впослѣдствіи мы узнали, что вскорѣ за нами тамъ же проѣхалъ генераль Гурко и тоже подвергся обстрѣливанію. Во избѣжаніе излишней тревоги, нашимъ аванпостамъ приказано было не отвѣчать па выстрѣлы турецкой цѣпи, и положеніе бѣдныхъ всадниковъ служить мишенью туркамъ было не особенно пріятно. Начальникъ отряда утвердилъ представленный ему проектъ размѣщенія нашихъ батарей, которыя и загремѣли на другой день.

Послѣ кровопролитнаго боя 12-го октября у Горняго-Дубняка, генераль Гурко, прочно утвердившись на плевно-софійскомъ шоссе, окончательно сомкнулъ блокаду Плевны и прервалъ единственную, но превосходную комуникаціонную линію Османа.

Предпринимавшіеся до того набѣги нашей кавалеріи противъ шоссе были безплодны, вслѣдствіе чрезвычайно искусной организаціи обороны этого пути. Плевно-софійское шоссе, по своему устройству, рѣзко отличалось отъ тѣхъ путей, которые намъ до того приходилось видѣть въ Турціи. Довольно многочисленныя «мидхадовскія шоссе» представляютъ, по своему небрежному устройству, весьма ненадежные пути сообщенія. Софійское же шоссе было превосходно вымощено и имѣло такую ши-

(¹) См. чертежъ IV.

рину. что двѣ четырехконныя фуры совершенно свободно могли вездѣ развѣхаться. Телеграфъ протянуть былъ по всей линіи.

Когда набѣги нашей кавалеріи начали беспокоить турецкіе транспорты, двигавшіеся въ Плевно и обратно, Османъ организовалъ слѣдующимъ образомъ оборону шоссе. По обѣ его стороны была выдвинута рѣдкая кавалерійская цѣпь, за нею пѣхотная, укрывавшаяся въ ложементахъ. Далѣе, черезъ каждыя 5—10 верстъ (Дольній и Горній-Дубняки, Телишь, Луковица и проч.) устроены были сильно укрѣпленные этапы, занятые довольно значительными гарнизонами изъ пѣхоты, кавалеріи и артилеріи. Каждымъ пунктомъ завѣдывалъ комендантъ, наша, а нѣсколько такихъ этаповъ находились подъ общимъ вѣдѣніемъ старшаго коменданта (см. чертежъ III. схематическій чертежъ обороны Софійскаго шоссе).

Транспорты передвигались небольшими частями: повозокъ 50—100. При нападеніи нашей кавалеріи, она всегда встрѣчала пѣхоту, борьба съ которой требовала времени, а между тѣмъ, транспортъ успѣвалъ укрыться въ ближайшемъ этапѣ.

Отсюда видно, что только съ приходомъ гвардіи, т. е. съ увеличеніемъ нашего Плевненскаго отряда, можно было рѣшиться перерѣзать этотъ жизненный нервъ арміи Османа, что и было исполнено, когда генераль Гурко сталъ на шоссе и прочно тамъ утвердился. Тѣмъ не менѣе, оставаться въ такомъ положеніи, имѣя впереди себя Дольній Дубнякъ (сильный этапъ), а позади Телишь, атака котораго 12-го октября не удалась, въ тактическомъ смыслѣ было невозможно. «Воздуху здѣсь мнѣ мало», говорилъ генераль Гурко и, дѣйствительно, пребываніе корпуса на такомъ тѣсномъ пространствѣ было безпокойно; кавалерія не имѣла достаточнаго простора для дѣйствій, да и нашъ районъ фуражировокъ и реквизицій былъ стѣсненъ. Отсюда занятіе Телиша являлось необходимымъ.

Пользуясь впечатлѣніемъ, произведеннымъ на окрестные этапы паденіемъ Горняго-Дубняка и избѣгая излишней потери людей, генераль Гурко рѣшился покончить съ Телишемъ однимъ бомбардированіемъ (*).

Съ этою цѣлью приказано было, 16-го октября, выдвинуть: три батареи лейбъ-гвардіи 1-й артилерійской бригады при лейбъ-гвардіи Московскомъ и Гренадерскомъ полкахъ на позицію по шоссе; три батареи 3-й гвардейской и гренадерской артилерійской бригады, при Кексгольмскомъ гренадерскомъ императора австрійскаго и лейбъ-гвардіи Литовскомъ подкахъ, южнѣ Телиша, а гвардейской конной артилеріи за

(* См. схематическій чертежъ (№ IV) расположенія нашихъ войскъ подъ Телишемъ 16-го октября.

нять позицію въ сѣверу и въ тылу Телиша. Канонада открылась въ 11 часовъ утра сперва гранатами, потомъ шрапнелью. Послѣ пристрѣлки, батареи дѣйствовали, преимущественно, залпами. Пальба должна была производиться до двухъ часовъ пополудни. Этимъ перерывомъ генераль Гурко желалъ воспользоваться, чтобы предложить гарнизону капитуляцію, грозя, въ противномъ случаѣ, безустанно громить его изъ ста орудій. Съ этою цѣлью были взяты, между прочимъ, пять плѣнныхъ турокъ, испытавшихъ всѣ ужасы дубнякского боя, и имъ вручено письмо къ телишскому пашѣ, съ условіями капитуляціи. Плѣнныхъ подвели къ цѣпи, откуда они двинулись, помахивая бѣлыми платками и обѣщая рассказать о массахъ и непобѣдимости русскихъ войскъ, собравшихся около Телиша. Такъ какъ въ 2½ часа отвѣтъ не былъ полученъ, то канонада опять началась по всей линіи (¹). Турецкія орудія, подбитыя нашей артилеріей, перестали отвѣчать, а пѣхота почти не стрѣляла, вѣроятно, за дальностью дистанцій и отсутствіемъ хорошихъ цѣлей, такъ какъ нѣкоторыя наши батареи и цѣпь оканались во избѣжаніе потерь.

Генераль Гурко, верхомъ, въ сопровожденіи офицеровъ генеральнаго штаба выѣхалъ на одну изъ батарей, съ цѣлью видѣть дѣйствіе нашей артилеріи. Не прошло 20-ти минутъ, какъ замѣченъ былъ турецкій парламентаръ и позиція огласилась потрясающими криками «ура», возвѣщавшаго объ этой, почти безкровной для насъ, побѣдѣ. Артиллеристы, по преимуществу, праздновали свой успѣхъ. «Матушка ты наша», говорилъ молодой канониръ, цѣлуя и обнимая свою девятифунтовку. Генераль Гурко рысью направился, въ сопровожденіи конвоя, на шоссе, выславъ впередъ, для переговоровъ, свиты Его Величества генераль-маіора Бреверна, князя Церетелева и Ставровскаго. Паша быстро согласился на капитуляцію и хлопоталъ только о правѣ сохраненія офицерами своихъ собственныхъ вещей. Когда же получилъ на это разрѣшеніе, то съ веселымъ духомъ передалъ себя въ наши руки.

Въ ожиданіи прибытія плѣнныхъ, генераль Гурко (называемый турками «Гяурко-паша») остановился на шоссе, посреди общей радости и шумнаго говора. Здѣсь окончательно уяснилось стратегическое и моральное значеніе дубнякской побѣды: мотивируя свою сдачу, телишскій паша, между прочимъ говорилъ: «Если мой начальникъ (дубнякскій паша) сдался, то почему же и мнѣ не капитулировать?!»

Около часа времени мы простояли на шоссе въ ожиданіи плѣнныхъ,

(¹) Произошло небольшое недоразумѣніе: батареи 1-й бригады, замѣтившія передвиженіе турецкой пѣхоты, продолжали пальбу и появившіеся было турецкіе парламентары поторопились снова спрятаться въ укрѣпленіе.

наконецъ показала небольшая кучка, а позади длинная колонна семи таборовъ. Впереди, на жалкой глячѣ, ѣхалъ паша, въ сопровожденіи своихъ пѣшихъ слугъ и конныхъ адъютантовъ. Наружность паши была довольно комичная....

Подѣхавъ къ генералу Гурко, онъ, съ веселой улыбкой, раскланялся, объяснилъ, что очень плохо говорить по французски, и затѣмъ, черезъ переводчика, перечислил составъ гарнизона (7 таборовъ и 4 орудія; кавалерійскій полкъ скрылся).

Послѣ того паша, въ сопровожденіи офицера, отправленъ былъ въ Горній-Дубнякъ. Таборы одинъ за другимъ я ввелъ между шпалеръ изъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка, который конвоировалъ ихъ къ мѣсту ночлега — большому редуту у Дубняка, занятому нами 12-го октября. Офицеры (числомъ до 100) были выдѣлены и провели ночь особо на бивакѣ.

Плѣнные принадлежали преимущественно къ низаму и редифу; было, впрочемъ, и два баталіона мустахфиза. Особенно подавляющаго впечатлѣнія на лицахъ не было замѣтно: напротивъ, многіе курили, смѣялись, а офицеры положительно радовались, что избавляются, наконецъ, отъ бѣдствій войны. Здѣсь же забрано было пять англичанъ врачей съ бѣлой повязкой на лѣвой рукѣ. Эти господа были свидѣтелями тѣхъ варварствъ, которыя позволяли себѣ босняки и арнауты надъ нашими ранеными егерями 12-го октября. Они были готовы засвидѣтельствовать и подписать протоколъ (что и сдѣлали впоследствии), паша же влялся, что онъ безсиленъ былъ остановить подвиги своихъ подчиненныхъ, и что, съ самаго начала войны, онъ не получалъ никакихъ приказаній изъ Константинополя относительно соблюденія гуманнаго обращенія съ ранеными и воспрещенія варварскихъ потѣхъ. Солдаты наши не скупились посылать проклятія многимъ изъ плѣнныхъ, обутымъ въ сапоги погибшихъ и замученныхъ егерей.

Пропустивъ плѣнныхъ, генералъ Гурко поѣхалъ въ очищенные ту-рецкія укрѣпленія. Тамъ обычная картина: убитые, раненые, разорванные граватами на части люди, бѣгающія лошади и т. п. Особенно насъ поразила масса патроновъ, оставленныхъ турками въ укрѣпленіяхъ; цѣлыя груды ихъ валялись въ деревянныхъ ящикахъ, на протяженіи всего бруствера, а шоссе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ было сплошь завалено ими, такъ что наши лошади давили ихъ въ огромномъ количествѣ. Немедленно по занятіи полками 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи укрѣпленій, генералъ Гурко приказалъ сдѣлать опись всему оставленному турками имуществу, собрать ружья, патроны, свотъ и пр., оставить, гдѣ нужно, караулы и т. п.

Главными нашими трофеями были четыре стальные орудія. Такимъ образомъ, гвардія, тогда приобрѣла уже восьми-орудійную батарею, съ достаточнымъ количествомъ снарядовъ:

Поздно, въ темнотѣ, генераль Гурко возвратился къ себѣ, прослѣдовавъ среди безчисленныхъ бивачныхъ огней нашей гвардіи, и могъ спокойно закончить этотъ хорошій день, стоявшій намъ только нѣсколькихъ убитыхъ и раненыхъ.

Немедленно начали обнаруживаться слѣдствія нашихъ двухъ побѣдъ на софійскомъ шоссе: Шефкетъ-паша, двигавшійся съ двѣнадцатью таборами и десятью орудіями къ Телишу, узнавъ о паденіи послѣдняго и Дубняка, быстро повернулъ назадъ и отступилъ передъ нашими конно-гренадерами.

Послѣ взятія Телиша пошли приготовленія къ завладѣнію Дольнимъ-Дубнякомъ. Штабъ отряда, по прежнему, остался въ Горнемъ-Дубнякѣ. Немедленно было установлено телеграфное сообщеніе съ главной квартирой и порядокъ службы во всѣхъ частяхъ отряда. Къ служебнымъ нашимъ обязанностямъ не мало присоединялось и личныхъ заботъ. Добыча фуража для лошадей становилась все труднѣе и труднѣе. Отдѣлены были для каждой части фуражировочные раіоны и за сѣномъ пришлось посылать версть за 20—25. Ячменя иной разъ можно было купить у болгаръ. Собственное продовольствіе тоже не мало насъ затрудняло. Къ этому времени прибылъ къ намъ маркитантъ гвардейскаго корпуса г. Львовъ; но, во-первыхъ, всѣ его запасы были разобраны на расхватъ, а во-вторыхъ, цѣны на большую часть продуктовъ стояли ни съ чѣмъ несообразныя, такъ, напримѣръ, книжка папирсной бумаги стоила 1 фр. (по курсу 40 к.), 1 ф. сыру 4 фр. 50 сант. (1 р. 80 к.) и т. п.

Войсковыя части тоже встрѣчали затрудненія не только въ хлѣбѣ, но даже и въ мясѣ. Генераль Гурко установилъ цѣны на быковъ и приказалъ собирать скотъ съ населенія. Распределеніе между войсками этого скота производилось въ комендантскомъ управленіи, причемъ части выплачивали владѣльцу причитающіяся суммы, по взаимному уговору, а въ случаѣ несогласія, руководствовались установленными начальникомъ отряда цѣнами.

Распределеніе войскъ на занятой позиціи, служба ихъ, въ точности опредѣлялись *приказомъ по отряду отъ 18-го октября № 30*. Мы воспроизводимъ точную съ нея копію:

- «I. Войскамъ вѣреннаго мнѣ отряда принять слѣдующія распоряженія:
 а) 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи остаться на занимаемыхъ мѣстѣхъ
 Т. СХХV. Отд. I.

частями дивизіи мѣстахъ (1). Съ завтрашняго числа передовая позиція будетъ выдвинута впередъ примѣрно на двѣ версты.

б) Гвардейской Стрѣлковой бригадѣ съ одною батареею лейбъ-гвардіи 1-й артилерійской бригады перейти на позицію противъ Дольнаго-Дубняка, занимаемую нынѣ кавалеріею генерала Арнольди и Румынскими войсками.

в) 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи стать возлѣ бывшей позиціи турокъ у Горняго-Дубняка, имѣя одинъ полкъ съ одною батареею въ Телишѣ фронтомъ къ Софіи. Дивизіи расположиться слѣдующимъ образомъ: одному полку съ одною батареею стать на томъ мѣстѣ, на которомъ въ дѣлѣ 12-го октября стояла первоначально батарея 1-й бригады. 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, одному полку съ одной батареею стать правѣ редута, взятаго лейбъ-гвардіи Гренадерскимъ полкомъ, одному полку съ одною батареею на эспланадѣ впереди главнаго турецкаго редута; наконецъ, одному полку съ одною батареею въ Телишѣ. Остальнымъ батареямъ лейбъ-гвардіи 2-й артилерійской бригады стать въ резервѣ позади полка, стоящаго правѣ Гренадерскаго редута.

г) 1-й бригадѣ 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи съ тремя батареями перейти въ Куршевицу, впереди которой занять позицію и укрѣпить ее фронтомъ къ Плевнѣ.

д) Баталіону лейбъ-гвардіи Московскаго полка съ одною батареею лейбъ-гвардіи 2-й артилерійской бригады, находящимся на Медованской позиціи (2), присоединиться къ своимъ частямъ, причемъ батарея стоять рядомъ съ тою батареею, которая будетъ находиться въ резервѣ.

е) Всему Медованскому отряду со всею артилеріею перейти на Волынскую гору. Такъ какъ 1-я бригада 3-й дивизіи будетъ стоять весьма близко отъ Медована, то для непосредственной защиты Медованской позиціи высылать ежедневно отъ этой бригады одинъ баталіонъ съ одною батареею. Позиціи на Волынской и Медованской горахъ и у Куршевицы поступаютъ подъ общее начальство генерала Каталея.

ж) Всей 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи, въ полномъ ея составѣ, перейти въ Махалету и Абаскію.

з) Всей кавалеріи, находящейся подъ начальствомъ генерала Арнольди, перейти въ Горній-Неврополь.

и) 4-му Мариупольскому гусарскому полку стать возлѣ деревни Горняго-Дубняка, влѣво отъ деревни. Артилеріи, находящейся при полку, присоединиться къ кавалерійскому отряду генерала Арнольди.

к) Киевскому гусарскому полку съ конною батареею стать возлѣ д. Куршевицы и находиться временно въ распоряженіи начальника 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи.

л) Дивизиону Казанскаго драгунскаго полка вернуться къ отряду генерала Лешкарева.

(1) Т. е. впереди Горняго-Дубняка.

А. П.

(2) Баталіонъ этотъ находился тамъ съ 12-го октября.

А. П.

«м) Румынской пѣхотѣ, находящейся нынѣ на позиціи противъ Дольняго-Дубняка, по смѣнѣ на этой позиціи гвардейскою Стрѣлковою бригадою, перейти въ Горній-Нетрополь, гдѣ присоединиться къ IV румынской дивизіи полковника Боранеску.

«н) Кавказской казачьей бригадѣ перейти въ Телишъ и находиться въ подчиненіи начальника 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи.

«о) 3-й Гренадерской дивизіи, по прибытіи ея, стать на позиціи у Горняго-Нетрополя, гдѣ и укрѣпиться.

«п) Обоимъ полкамъ Каларашей стать между Горнимъ и Дольнимъ-Нетрополемъ на позиціи генерала Чернозубова.

«р) 6-й гвардейской Донской казачьей батареѣ стать возлѣ д. Горняго-Дубняка и быть въ моемъ непосредственномъ распоряженіи.

«с) Моя главная квартира будетъ находиться въ дер. Горній-Дубнякъ.

«Всѣ перемѣщенія частей, согласно вышеизложеннаго, исполнить завтра, 19-го октября; при этомъ частямъ, которыя будутъ смѣняться другими, не уходить съ занимаемыхъ ими позицій раньше смѣны ихъ другими частями.

«II. Всѣмъ войскамъ, стоящимъ на бивакахъ, приступить немедленно къ устройству прочныхъ и теплыхъ землянокъ для войскъ, причемъ землянки эти должны быть выстроены не ближе 600 шаговъ отъ укрѣпленій, чтобы между ними и укрѣпленіями оставалось широкая полоса совершенно свободнаго пространства. Землянки должны быть построены на полуроты каждая, и длиною своею стороною должны быть поставлены перпендикулярно фронту.

«III. Начальники частей должны обращать постоянное вниманіе на соблюденіе строгаго порядка и всѣхъ гигиеническихъ условий.

«Ежедневно два раза въ день выводить части, не занятыя работами, въ полной амуниціи въ ружье и производить небольшое строевое ученье. Время вывода частей на ученье вполнѣ зависитъ отъ начальниковъ частей, причемъ слѣдуетъ стараться, чтобы онѣ выходили не въ одни и тѣ же асы. Въ д. Горній-Дубнякъ строжайше запрещается впускать отдѣльныхъ нижнихъ чиновъ. Для соблюденія порядка въ деревнѣ ежедневно наряжать 1-й и 2-й гвардейскихъ пѣхотныхъ дивизій по одной ротѣ, которымъ вѣдать вокругъ деревни цѣпь. Цѣпь эта не должна впускать въ деревню отдѣльныхъ нижнихъ чиновъ и отнюдь не задерживать офицеровъ.

«По тревогѣ войскъ отнюдь не поднимать.

«Обо всякомъ наступленіи непріятеля будетъ извѣстно заблаговременно для вывода войскъ послѣдуетъ распоряженіе начальника оборонительной линіи.

«Въ случаѣ наступленія, по приказанію начальника передовой линіи, озамъ изготавиться къ наступленію, но не трогаться безъ особаго указанія.

«IV. Войскамъ принять слѣдующія мѣры предосторожности:

«1) Всѣмъ частямъ, занимающимъ передовую линію главной укрѣпленной позиціи, имѣть впереди себя, въ разстояніи около 1½ версты, сторожевыя цѣпи изъ одной роты отъ каждаго полка. Въ передовыхъ ложементахъ имѣть по одной ротѣ. Въ ложементахъ главной линіи имѣть тоже по одной ротѣ. На батареяхъ имѣть по одному взводу.

«Всѣми тремя ротами, находящимися на передовой линіи, командовать одному штабъ-офицеру, назначаемому по очереди начальникомъ передовой линіи.

«На главномъ караулѣ сторожевой цѣпи лейбъ-гвардіи Преображенскаго и Семеновскаго полковъ назначать ежедневно по 15 человекъ отъ Мариупольскаго гусарскаго полка и на главный караулъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка 15 человекъ Кіевскаго гусарскаго полка. Между лѣвымъ флангомъ сторожевой цѣпи главной позиціи и правымъ флангомъ гвардейской Стрѣлковой бригады (бывшей румынской) выставить сторожевую цѣпь изъ трехъ взводовъ Мариупольскаго гусарскаго полка. Такимъ образомъ, отъ 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи наряжать девять ротъ и по одному взводу отъ каждаго батарея, а отъ Мариупольскаго гусарскаго полка одинъ эскадронъ.

«2) Такія же мѣры предосторожности имѣть въ укрѣпленной позиціи, которую займетъ 1-я бригада 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи. Такъ какъ на этой позиціи въ передовой линіи будетъ находиться одинъ полкъ, а другой будетъ въ резервѣ, то отъ этой бригады будутъ выходить только три роты. Въ помощь сторожевой цѣпи бригады наряжать одинъ взводъ отъ Кіевскаго гусарскаго полка въ распоряженіе командира роты.

«3) Въ промежутокъ между правымъ флангомъ сторожевой цѣпи 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи и деревню Тверненъ содержать цѣпь отъ Кіевскаго гусарскаго полка, для чего наряжать три взвода между правымъ флангомъ и дер. Тверненъ.

«4) Деревня Тверненъ должна быть занята однимъ баталіономъ отъ 1-й бригады 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи при двухъ орудіяхъ.

«5) Между лѣвымъ флангомъ бывшей румынской позиціи, нынѣ позиціи гвардейской Стрѣлковой бригады, и правымъ флангомъ укрѣпленной позиціи, которую займетъ 3-я гренадерская дивизія впереди Горняго-Петрополя содержать кавалерійскую сторожевую цѣпь отъ 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи и отъ кавалерійскаго отряда генерала Арнольди. Въ цѣпь назначать одинъ полкъ съ одною конною батареєю. Такимъ образомъ, ежедневный нарядъ отъ войскъ уменьшается до послѣдней крайности и затѣмъ частные начальники должны озаботиться о дарованіи войскамъ возможно большаго спокойствія и удобства. Бдительность сторожевыхъ постовъ должна быть доведена до возможно большей степени, причемъ только при этой бдительности и возможно достиженіе полнаго спокойствія въ войскахъ.

«У. Наблюденіе за лѣвымъ берегомъ р. Искера возлагается на 2-ю

гвардейскую кавалерійскую дивизію и на Кавказскую бригаду полковника Черевина. Для сего въ деревню Княжа выставить два эскадрона драгуновъ отъ гвардейской кавалерійской дивизіи и въ дер. Чумаковицы одну сотню отъ Кавказской бригады; сверхъ того, ежедневно высылать небольшіе разѣзды по дорогѣ въ Чумаковицы, Леникой, Княжу и Рахову.—Штабу 2-й кавалерійской дивизіи озаботиться собраніемъ статистическихъ данныхъ о количествѣ зерноваго фуража, муки, скота и сѣна въ дд. по Искеру и за эту рѣкою. Свѣдѣнія эти крайне необходимы для организаціи продовольствія войскъ на счетъ страны.

«VI. Частямъ 1-й и 2-й гвардейскихъ пѣхотныхъ дивизій и артилеріи этихъ бригадъ озаботиться немедленно устройствомъ хлѣбопекарныхъ печей въ дер. Чириково. 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи устроить хлѣбопекарныя печи въ Петерницѣ.

«VII. Полевую почту и казначейство гвардейскаго корпуса перевести въ дер. Горній-Дубнякъ.

«VIII. Дивизионнымъ лазаретамъ остаться на своихъ мѣстахъ.

«IX. Полковымъ обозомъ оставаться при своихъ частяхъ. Въ случаѣ наступленія непріятеля, обозамъ приготовиться къ выступленію, но безъ особаго приказанія отнюдь не выступать.

«X. Командамъ, назначаемымъ на фуражировки, быть въ полной боевой амуниціи. Въ прикрытіе фуражировъ отъ частей пѣшей артилеріи, назначать вооруженныя пѣхотныя команды. Ни одна фуражировочная партія безъ офицеровъ быть не должна.

«Подписалъ: командующій войсками отряда, генералъ-адъютантъ *Гурко.*»

Для того, чтобы парализовать всякія попытки Османа-паши къ сношеніямъ за предѣлами блокадной линіи, отдавъ былъ *приказъ (20-го октября № 32)* слѣдующаго содержанія:

«Въ настоящее время совершилось полное обложеніе арміи Османа-паши въ Плевнѣ. Для успѣха дальнѣйшихъ операцій противъ Плевны необходимо отрѣзать всякое сообщеніе Османа-паши извнѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что какъ въ Плевну, такъ и изъ Плевны будутъ высылаться въ большомъ количествѣ тайные эмисары съ тѣмъ, чтобы получать свѣдѣнія о томъ, что дѣлается внѣ Плевны и согласовать свои дѣйствія съ другими отрядами. Поэтому предписываю быть крайне бдительными на сторожевыхъ постахъ и рѣшительно никого не пропускать черезъ посты. Сверхъ того, высылать въ тылу расположенія войскъ патрули, которымъ задерживать всѣхъ подозрительныхъ лицъ и доставлять въ комендантское управленія въ Горній-Дубнякъ. Въ Свинарской балкѣ имѣть, постоянный караулъ изъ одного взвода пѣхоты отъ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи и одного взвода казаковъ отъ Донскаго казачьяго № 4-го полка. Этому караулу постоянно высылать небольшіе патрули, пѣшіе и конные, и постоянно осматривать кусты и лѣса, прилегающіе къ балкѣ. Въ особенности надо быть бдительнымъ въ Медованскомъ отрядѣ и въ кавалеріи генерала Лопшарева.»

Занявши новую позицію, генераль-адъютантъ Гурко считалъ ее только подготовительной и намѣревался атаковать Дольній-Дубнякъ. По свѣдѣніямъ, тамъ находилось около семи таборовъ пѣхоты съ 5—6 орудіями, но такъ какъ войска эти легко могли быть усилены изъ Плевны, то, для вѣрности успѣха, генераль-адъютантъ Гурко рѣшился выждать прибытія 3-й гренадерской дивизіи и полагалъ произвести атаку Дольняго-Дубняка 22-го октября.

Утромъ 20-го октября меня призывалъ къ себѣ начальникъ штаба генераль-маіоръ Нагловскій и объявилъ, что генераль Эллисъ просилъ прислать меня къ нему для содѣйствія въ разъясненіи нѣкоторыхъ недоразумѣній, возникшихъ по поводу укрѣпленія позиціи. Я отправился туда немедленно и прибылъ часамъ къ 8-ми утра. Мы уже собрались было идти осматривать позицію, какъ приближалъ офицеръ съ аванпостовъ и объявилъ, что турки очистили свою позицію. Отправивъ объ этомъ донесеніе генераль-адъютанту Гурко, мы поѣхали на позицію. Тамъ узнали слѣдующее: 20-го, на разсвѣтѣ, командиръ лейбъ-гвардіи 2-го стрѣльцоваго баталіона, флигель-адъютантъ полковникъ Гриппенбергъ, обходя свои передовые посты, замѣтилъ полную тишину, спокойствіе и отсутствіе людей на непріятельской позиціи у Дольняго Дубняка ('). Такъ какъ занятая нашими стрѣлками позиція рѣшительно командовала непріятельской, и притомъ мѣстность между обоими противниками была совершенно открытая, то наблюденія полковника Гриппенберга не допускали, повидимому, никакихъ сомнѣній. Для окончательной повѣрки своего неожиданнаго открытія, онъ немедленно выслалъ впередъ патруль изъ охотниковъ, который безпрепятственно вошелъ въ непріятельскій редуть; тогда, вслѣдъ за патрулемъ, была двинута впередъ стрѣльцовая цѣпь, а генераль Эллисъ отправилъ на поддержку 2-го баталіона стрѣлковъ Императорской Фамиліи и два орудія. Къ этому времени сосѣднія части замѣтили тоже отступленіе и хлынули впередъ со всѣхъ сторонъ. Оказалось, что позиція была очищена непріателемъ въ теченіе ночи. Чтобы скрыть свое отступленіе, турки разложили большіе костры, пѣли пѣсни, шумѣли и т. п.; подъ покровомъ этихъ хитростей, они сначала убрали всю артилерію и повозки, а затѣмъ ушла пѣхота. Такое рѣшеніе съ ихъ стороны должно признать удачнымъ. Османъ не могъ сомнѣваться, что дольне-дубнякскій гарнизонъ будетъ разгромленъ и положить оружіе, а это, при непосредственномъ сосѣдствѣ Дольняго-Дубняка съ Плевной, должно было оказать деморализующее вліяніе на плевненскую армію, и потому лучше

(') См. чертежъ № V.

было заранѣе очистить опасный пунктъ, тѣмъ болѣе, что позиція у Дольняго-Дубняка была неудобна для турокъ. Мѣстность тутъ полого спускается къ р. Виду и открыта; въ центрѣ турецкой позиціи лежала д. Дольній-Дубнякъ, фланги же были усилены укрѣпленіями и редутами, расположенными одинъ за другимъ на разстояніи около $\frac{3}{4}$ версты (¹).

Редуты по постройкѣ принадлежали къ тому типу, который встрѣчается постоянно на этапахъ (²). Особенность ихъ заключается въ томъ, что рвы чрезвычайно круты, такъ что взобраться по эскарпу весьма затруднительно, а центральныя батареи высоко подняты (это большею частью искусственно обдѣланные естественные холмы) и представляютъ отличную цѣль для нашей артилеріи. Очищая позицію, турки не оставили намъ ни малѣйшаго трофея, и наши солдатики подобрали только человекъ пять больныхъ, которые, вѣроятно, были позабыты въ ночной темнотѣ, а можетъ быть и нарочно брошены. Такимъ-то образомъ, мы безъ потерь заняли укрѣпленную неприятельскую позицію, для атаки которой такъ усердно готовились. Разумѣется, было бы пріятно, если бы кавалерія своевременно открыла отступленіе неприятеля, «пощипала бы его», но что же дѣлать — пришлось утѣшиться фактомъ прибытія къ Осману «лишнихъ ртовъ».

Послѣ занятія Дольняго-Дубняка, нашъ отрядъ подвинулся къ Виду, а кавалерійскіе аванпосты дошли почти до самой рѣки; за ними стояла пѣхотная сторожевая цѣль, а далѣе весь отрядъ, который укрѣпился на столько прочно, что все усилія Османа должны были бы разбиться о земляныя сооруженія, за которыми засѣли наши доблестные полки.

Разумѣется, характеръ укрѣпленій на нашей позиціи былъ весьма разнообразенъ: тутъ встрѣчались и люнеты, и редуты, и прочіе верки, начертаніе которыхъ обуславливалось мѣстностью и требованіями обороны; но наиболѣе употребительными сооруженіями были эполементы для батарей и ложементы для пѣхоты. При этомъ передовые стрѣлковые ложементы были вынесены шаговъ на 900 впередъ батарей; за ними располагались закрытія для поддержекъ и, наконецъ, приблизительно на линіи батарей—резервные ложементы (³).

(¹) См. приложенный планъ дольне-дубнякской позиціи (чертежъ № V), гдѣ нанесены возведенныя впоследствии нашимъ отрядомъ укрѣпленія. Впрочемъ, на планѣ не все они указаны. А. П.

(²) См. чертежъ № VI.—Схематическій чертежъ редута.

(³) См. чертежъ № V.—Планъ окрестностей с. Дольній-Дубнякъ.

20-го же октября отрядный штабъ былъ перенесенъ въ Дольній-Дубнякъ и всѣ мы переѣхали туда же.

Распредѣленіе войскъ было также измѣнено слѣдующимъ приказомъ отъ 21-го октября:

«Вслѣдствіе отступленія непріятеля отъ сел. Дольній-Дубнякъ, войскамъ ввѣреннаго мнѣ отряда занять слѣдующее новое расположеніе:

«А. 1) 1-й бригадѣ 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи съ ея артилеріей продвинуться впередъ и занять позицію правымъ флангомъ на высотѣ Медованской горы, такъ что фронтъ позиціи будетъ нѣсколько позади выхода изъ Картожабенскаго ущелія.

«2) 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи занять укрѣпленную позицію версты 1½ впереди Дольнаго-Дубняка фронтомъ къ выходу изъ Гривицкой долины. При этомъ имѣть въ боевой линіи три полка и всѣ шесть батарей. Четвертому полку оставаться въ частномъ резервѣ. На обоихъ флангахъ построить сомкнутыя укрѣпленія, на одинъ баталіонъ и четыре орудія каждый.

«3) 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи и гвардейской Стрѣлковой бригадѣ стать въ общій резервъ и расположиться около деревни Дольній-Дубнякъ на южной ея окраинѣ. Гвардейской Стрѣлковой бригадѣ состоять подъ начальствомъ начальника 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи.

«4) Гвардейскому Саперному баталіону стать при выходѣ изъ дер. Дольнаго-Дубняка, на окраинѣ ея, обращенной къ Плевнѣ.

«5) 3-й гренадерской дивизіи расположиться слѣдующимъ образомъ: одной бригадѣ съ тремя 9-ти фунтовыми батареями стать на укрѣпленную позицію на правомъ флангѣ румынской позиціи; другой же бригадѣ съ тремя 4-хъ фунтовыми батареями стать въ резервъ у дер. Горній-Нетрополь на западной ея окраинѣ фронтомъ къ Плевнѣ. На правомъ флангѣ позиціи гренадерской бригады построить сомкнутое укрѣпленіе.

«6) Кіевскому гусарскому полку съ конною батареею стать на р. Видъ позади 1-й бригады 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи.

«7) Мариупольскому гусарскому полку стать у дер. Дольній-Дубнякъ на западной ея окраинѣ.

«8) Донскому казачьему № 4-го полку стать рядомъ съ Мариупольскимъ гусарскимъ полкомъ.

«9) Всему Астраханскому драгунскому полку присоединиться къ кавалерійской дивизіи; дивизіону Казанскаго драгунскаго полка стать на правомъ флангѣ отряда генерала Бремзена на Волынской горѣ.

«10) Обоиъ полкамъ Каларашей стать впереди Демирѳіоя, между Видомъ и лѣвымъ флангомъ укрѣпленной румынской позиціи.

«1) 6-й гвардейской казачьей Донской батареей стать вмѣстѣ со гвардейскою пѣхотною дивизіею, по указанію штаба дивизіи, и оставаться въ моемъ непосредственномъ распоряженіи.

въ

ер-
тъ:
ы,
ной
аго
од-
кой
эмь
нтъ
об-
вхъ

ной
тому
ѣли
каго
ли-
ди-
три
нве-
коло
вать
бра-

шей
ере-
до-

бдаго
и по
я ба-
бата-
дного
заря-

но по
гу.

нній-

(*) Слѣдъ П.

39

Ду

30

св

рѣ

Ме

хо

ве

до.

Че

по

га

ни

на

Дс

од

вс

А

за

Г

п

н.

Г

к

п

В

«12) Всѣмъ остальнымъ частямъ остаться на мѣстахъ, указанныхъ въ приказѣ за № 30-мъ (1).

«Б. 1) Впереди укрѣпленныхъ позицій, въ разстояніи около 1½ версты отъ нихъ, держать цѣпную сторожевую цѣпь, въ которую наряжать: впереди позиціи 1-й бригады 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи *дѣть* роты, по одной отъ каждаго полка; впереди позиціи 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи *три* роты, по одной отъ полковъ: Преображенскаго, Семеновскаго и Измайловскаго; впереди позиціи гренадерской дивизіи *дѣть* роты, по одной отъ каждаго полка бригады, занимающей позицію: впереди румынской позиціи *три* роты, по усмотрѣнію начальника 4-й дивизіи. При этомъ правый флангъ цѣпи отъ 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи и лѣвый флангъ румынской цѣпи должны непременно упираться въ р. Видъ. Такимъ образомъ ежедневно въ цѣпь будутъ выходить по 10-ти ротъ. Цѣпи всѣхъ ротъ должны быть въ общей между собой связи и должны окопаться.

«2) Впереди сторожевой пѣхотной цѣпи, въ разстояніи около одной версты отъ нея, выставить отдѣльные кавалерійскіе пикеты, по одному взводу въ 12 рядовъ каждый, и непременно при офицерѣ. Впереди цѣпи 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи выставить два пикета отъ Кіевского гусарскаго полка; впереди цѣпи 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи два пикета отъ Мариупольскаго гусарскаго полка; впереди цѣпи гренадерской дивизіи два пикета отъ Казачьей бригады и впереди румынской цѣпи три пикета отъ Каларашей, всего ежедневно будетъ наряжаться по 9-ти пикетовъ; каждый пикетъ долженъ выставить впередъ на разстояніе около 500—600 шаговъ по три поста. Пикеты должны постоянно патрулировать между собою. Такимъ образомъ впереди пѣхотной сторожевой цѣпи образуется кавалерійская сторожевая цѣпь.

«Обѣ цѣпи должны наблюдать мѣстность впереди съ возможно большей бдительностью и не пропускать никого ни изъ Плевны, ни въ Плевну; перебѣжчиковъ же доставлять въ ближайшіе пѣхотные караулы, откуда доставлять ихъ въ комендантское управленіе въ дер. Дольній-Дубнявъ.

«Затѣмъ отъ остальной кавалеріи аванпостной цѣпи не держать.

«3) На укрѣпленныхъ позиціяхъ ежедневно наряжать отъ каждаго полка по одной ротѣ въ передовую линію (стрѣлковую) ложементовъ и по двѣ роты въ главную линію ложементовъ (на высотѣ батарей). Всѣ орудія батарей, назначенныхъ занимать укрѣпленія, держать въ построенныхъ батареяхъ, прислугу же и лошадей посылать въ укрѣпленія только для одного взвода. Орудія, раньше чѣмъ обнаружится наступленіе непріятеля, не заряжать.

«Такимъ образомъ отъ каждаго пѣхотнаго полка наряжать ежедневно по четыре роты, а отъ каждой пѣшей батареи высылать по одному взводу.

«Работы по возведенію укрѣпленій вести съ полною энергіей.

«4) На Бопаной-могилѣ и у караулки, при выходѣ изъ дер. Дольній-

(1) Овъ приведенъ мною выше.

Дубнякъ, устроить постоянные офицерскіе наблюдательные пункты отъ 1-й гвардейской пѣхотной и отъ 3-й гренадерской дивизій. Офицерамъ на этихъ наблюдательныхъ пунктахъ вести журналы всего ими замѣченнаго на сторонѣ непріятеля и ежедневно, съ наступленіемъ вечерней темноты, присылать копии въ штабъ вѣреннаго мнѣ отряда. Для веденія журналовъ завести тетрадки, и офицерамъ, по окончаніи своего дежурства, подписываться подъ вписанными ими наблюденіями.

5) Командиру 5-й батареи лейбъ-гвардіи 1-й артилерійской бригады, полковнику Мартюшову, опредѣлять своимъ дальномѣромъ разстоянія до различныхъ предметовъ, лежащихъ впереди всѣхъ батарей лейбъ-гвардіи 1-й артилерійской бригады, и сообщать командирамъ батарей результаты своихъ опредѣленій.

Затѣмъ, сдать ему то же самое и для трехъ батарей 3-й гренадерской дивизіи (1).

6) Начальникомъ всей артилеріи вѣреннаго мнѣ отряда назначается начальникъ артилеріи гвардейскаго корпуса, Свиты Его Величества генералъ-майоръ Бревернъ.

В. Такъ какъ съ замкнутіемъ блокадной линіи у Плевны роль кавалеріи подъ Плевной значительно сократилась, то обратить ей полное вниманіе на западъ. Для сего: 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи освѣщать сильными разѣздами мѣстность между слѣдующими пунктами: Острова и Рахова на сѣверѣ, Браца-Раховской дорогой—на западъ и Каменополь и Кулино—на югѣ. 4-й кавалерійской дивизіи освѣщать теченіе рѣки Искера отъ д. Луковиць до ея впаденія въ Дунай. Вообще всѣ движенія, какъ войскъ, такъ и транспортовъ непріятеля, въ мѣстности между Искеромъ и р. Огостъ, должны быть своевременно открываемы.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ 2-я гвардейская кавалерійская, такъ и 4-я кавалерійская дивизіи должны озаботиться сборомъ рогатаго скота для войскъ гвардіи, гренадерской дивизіи и румынскихъ войскъ, для чего имѣть постоянно на готовѣ въ Махалетѣ и Трестеникѣ по 150 штукъ рогатаго скота. Всѣмъ войскамъ, нуждающимся въ рогатомъ скотѣ, давать знать объ этомъ въ штабъ отряда заблаговременно, и тогда штабъ будетъ дѣлать распоряженіе о пригонкѣ нужнаго количества скота въ Горній-Петрополь и въ Дольній-Дубнякъ. Покупать самимъ скотъ строжайше воспрещается. Сверхъ того, обѣимъ кавалерійскимъ дивизіямъ принять самыя энергическія мѣры для сбора въ мѣстности за р. Искеромъ муки, для того, чтобы раздавать ее войскамъ для перепеченія ея въ хлѣбъ. Если муки не найдется, то забирать хлѣбъ въ зернѣ, заставлять болгаръ молоть ее на мельницахъ и свозить муку въ Дольній-Дубнякъ и Горній-Петрополь. Для печенія хлѣбовъ 3-й гренадерской дивизіи устроить немедленно печи въ Семеретѣ—Трестеникѣ. Реквизиціи какъ муки, такъ и скота

(1) Дальномѣръ этотъ давалъ вполне удовлетворительные результаты. Впоследствии имъ пользовались и на Балканахъ.

должны быть совершенно правильны и за все должно платить деньги. Грабежи въ окрестной мѣстности будутъ преслѣдуемы со всею строгостію военныхъ законовъ.

«Остальные пункты приказа отъ 18-го октября за № 30 остаются въ полной силѣ и безъ всякаго измѣненія.

«Подписаль: командующій войсками гвардіи и кавалеріи Западнаго отряда генераль-адъютантъ *Гурко*».

Попытки Османа къ сношеніямъ съ внѣшнимъ міромъ вызвали новое распоряженіе отъ 22-го октября:

«Послѣднее время передовыми постами и разъѣздами захвачено нѣсколько человекъ эмисаровъ, пробиравшихся съ бумагами къ Осману-пашѣ. Хотя эти эмисары и арестованы, но бумаги съ ними бывшія уничтожены при ихъ задержаніи. Такъ какъ надо ожидать, что въ настоящее время турки будутъ часто посылать подобныхъ эмисаровъ, то чрезвычайно важно брать всѣ бумаги при нихъ находящіяся. Между тѣмъ нижніе чины, не понимая важности этихъ бумагъ, не обращаютъ на нихъ никакого вниманія и не доставляютъ ихъ въ комендантское управленіе. По этому предписывается всѣмъ ротнымъ, эскадроннымъ и сотеннымъ командирамъ непременно лично растолковать вѣреннымъ имъ чинамъ важное значеніе этихъ бумагъ, даже самыхъ, повидимому, ничтожныхъ лоскутковъ, тщательно осматривать задерживаемыхъ людей и все доставлять въ Дольній-Дублякъ въ комендантское управленіе. Слѣдуетъ внушить также, что необходимо отбирать и доставлять по начальству даже чистые листы бумаги, такъ какъ иногда пишутъ особыми чернилами, которыя обыкновенно не видны, но при нѣкоторыхъ приемахъ съ ними чернила чернѣютъ и дѣлаются видимыми, а также сохранять и предоставлять всѣ безъ исключенія вещи, найденныя на лазутчикѣ, потому что какой либо важный письменный документъ можетъ быть вшитъ въ одежду или вдѣланъ или запрятанъ въ какую либо вещь, какъ-то въ палку, въ подстельку сапоговъ и т. п.»

Наша кавалерія, между тѣмъ, овладѣвала все большимъ и большимъ пространствомъ территоріи къ западу. Для ознакомленія войскъ съ ходомъ дѣлъ въ сосѣднихъ отрядахъ, генераль-адъютантъ Гурко поручилъ полковнику Сухотину составлять сводки изъ донесеній и помѣщать ихъ въ приказанія при паролѣ. Такъ, въ приказаніи отъ 24-го октября были объявлены слѣдующія извѣстія:

«По донесеніямъ отъ высланныхъ отрядовъ видно, что вчера, 22-го октября, дивизионъ лейбъ-гвардіи Драгунскаго полка занялъ Джурилово, предварительно выбивъ изъ окрестныхъ селеній черкескія и башни-бузукскія партіи и завладѣлъ транспортомъ въ 100 повозокъ и нѣсколькими сотнями штукъ рогатаго скота; другой дивизионъ того же полка занялъ Княжа (на дорогѣ изъ Врацы въ Рахово) и имѣетъ отдѣльные пикеты въ Бѣло-

слатицѣ и въ Брушевицѣ. Конно-гренадерскій полкъ имѣеть пикеты въ Койноре и у Луковицы и входитъ въ связь съ румынами, занимающими д. Вадинъ (на Дунаѣ, по дорогѣ къ Рахову); остальные полки гвардейской кавалеріи находятся въ Магалетѣ. Кавказская бригада генерала Черевина дошла до Петревена и выслала разъѣзды до Яблонницы и далѣе по шоссе къ Орханію; послѣдніе сообщали, что турки очистили сильную позицію у Яблонницы и что они бѣгутъ къ Орханію; наши разъѣзды слѣдуютъ по пятамъ.

«Отрядъ генералъ-маіора Давыдова, четыре баталіона, семь сотенъ съ артиллерією, пришелъ изъ Ловчи до Турскаго Извора и занялъ однимъ баталіономъ Тетевенъ; отрядъ получилъ приказаніе на сегодня двинуться къ Яблонницѣ; отрядъ этотъ съ сегодняшняго числа подчиненъ генералъ-адъютанту Гурко.

«Отрядъ генерала Бремзена сильно укрѣпился на горахъ къ сѣверу восточу отъ Тырнина».

Занятіе территоріи къ западу имѣло чрезвычайно важное для насъ значеніе въ продовольственномъ отношеніи, отдавая въ наши руки еще мало разоренный край; кромѣ того, кавалерія захватила не мало турецкаго провіанта; все это свозилось въ д. Магалету (на Искерѣ) и въ Трестеникъ. Для своаа продуктовъ начальники 2-й гвардейской и 4-й кавалерійскихъ дивизій должны были собрать возможно болѣе воловъ и буйволовыхъ подводъ между Видомъ и Искеромъ, а также къ западу оттуда.

Такъ какъ 1-я гвардейская пѣхотная дивизія заняла обширную позицію, то я прикомандированъ былъ къ штабу этой дивизіи.

Ежедневно мы выѣзжали для различнаго рода распоряженій и возведенію укрѣпленій. Инженерными работами завѣдывалъ полковникъ Мазюкевичъ. Въ штабѣ, кромѣ меня, находились еще полковникъ баронъ Каульбарсъ и капитанъ Протопоповъ. Послѣдній, въ часы досуга составлялъ, по имѣвшимся у него источникамъ, описанія балканскихъ проходовъ и иллюстрировалъ ихъ отличными чертежами.

(Продолженіе будетъ).

А. Пузыревскій.